

ИНТЕРВЬЮ С СИНЕЦКОЙ Э.А.

INTERVIEW WITH: ELVIRA A. SINETSKAYA

Проект: Китаеведение – устная история

Выполнено при поддержке международного гранта РГНФ – Национальный Научный Совет Тайваня (ННС) 2012, проект № 12-21-10000, 8122100100007

Supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National Scientific Council of Taiwan (NSC), the international research grant "China Studies – the Epistemology of the oral history, project № 12-21-10000, 8122100100007

<p>Синецкая Эльвира Андреевна (ЭС) К.и.н., научный сотрудник, отдел Китая, ИВ РАН</p> <p>Дата интервью: 6 мая, 22 июня 2013 г. Место интервью: г. Москва Вела интервью: Кузнецова-Фетисова М. Е. (МК), мнс ИВ РАН</p> <p>Комментарии: ЭС, МК, Головачёв В. Ц.</p> <p>Продолжительность: 4 часа Объем текста с комментариями: 2,5 а.л., 57 с., 101530 знаков с пробелами</p>	<p>Elvira A. Sinetskaya Research Fellow, Institute of Orientology, Russian Academy of Science</p> <p>Date of the Interview: May 6, June 22 2013 Place: Moscow Interviewed by: Marina Kuznetsova-Fetisova, IOS RAS Comments by: Elvira Sinetskaya, Marina Kuznetsova-Fetisova, Valentin Golovachev. IOS RAS Duration: 4 hours Text volume (with comments): 57 pages</p>
---	--

Синецкая Эльвира Андреевна. Родилась 19.06.1939 в Москве, в семье служащего. Китаевед, к.и.н. (1993). Окончила экономический факультет МГУ (1964). Училась в Народном университете КНР (1959-1960). Научный сотрудник ВИНТИ (1964-1967), Института Дальнего Востока (1967-1973), Института востоковедения АН СССР/РАН (с 1974). Учёный секретарь отдела Китая ИВ РАН (с июня 2011 года). Автор более 50 работ. Основное направление исследований: социальная история Китая нового и новейшего времени

Текст интервью:

МК: Добрый день! Представьтесь, пожалуйста. Кто Вы, когда и где родились?

ЭС: Зовут меня Эльвира Андреевна Синецкая. Родилась я 19 июня 1939 года в Москве в семье советского чиновника довольно высокого ранга. Моя мама была домашней хозяйкой. В 1947 году, если мне не изменяет память, поступила в школу. Мы жили на так называемом Можайском шоссе, нынче пересечение Дорогомиловской улицы и Кутузовского проспекта. Это был последний дом в Москве, дальше была пустота. Правда, чуть подальше нас, но немного в сторону, был пивной завод. Ездили мы в город (смотреть мультфильмы и по другим делам) через Бородинский мост, и это называлось именно «поехать в город». Зимой Москва-река была покрыта сидящими людьми, которые ловили рыбку подлёдную... Училась я в школе отдельного обучения вместе с девочками из соседних бараков. Таких бараков было немало у Киевского вокзала, где жили переселенцы и те, у кого были разбомбленные дома, и где жилище каждой семьи, в большинстве своём без отцов, отделялось простынёю или какой-нибудь занавеской. Девочки оттуда ходили в сатиновых платьях и с бритыми головами (ещё долго потом в Москве бытовала присказка: «Приходи, посидим, поищемся», верно, ещё времён гражданской, – многие люди были завшивлены). Там я впервые поняла так называемые сословные различия.

И из тех же времён – один пустячок, который характеризует меня. Однажды отец, придя с работы в разговоре упомянул слово «жизнь». «Папа, – сказала я, – ты неправильно произносишь это слово!» «А как же?» – спросил папа. «Надо говорит “жисть”!» Родители задумались, спросили: «А кто тебя этому научил?» «Сегодня учительница сказала в классе, что все говорят неправильно, а надо говорить «жисть». «Мм...» – сказала мама и наутро побежала выяснять. Учительница сказала: «Все вокруг говорят неправильно “жисть”, а надо говорить правильно “жизнь”», но, поскольку вокруг меня все говорили «жизнь», то я решила поправить папу. Это вещь для меня довольно

характерная, у меня такое смешение случается, а причину его понять не могу. Потом мы переехали, я перешла в другую школу, потом в третью.

На вопрос, когда я в первый раз услышала слово «Китай», ответить точно не могу – я не запомнила. Оно у меня ни с чем не ассоциировалось.

МК: Не обязательно вспоминать, когда Вы впервые услышали. Какие у Вас были первые воспоминания, связанные с Китаем, вне зависимости от возраста, но первые из тех, которые Вы помните.

ЭС: Я была ребёнком по духу интернациональным, поскольку читала я много и, надо признаться, больше русской классики я любила Шиллера и Шекспира. Я перечитала совсем недавно, когда одна из пьес Шиллера («Дон Карлос») стала вдруг чрезвычайно популярной, и подумала – и что меня в отрочестве так потрясло?

Китайцы равноценного для меня дать не могли. Я очень любила кино, но китайского кинопроизводства практически тогда тоже не было. Поэтому до поездки в Китай связанного с этой страной ничего не припомню.

МК: Как и когда случилась Ваша поездка в Китай?

ЭС: Поездка в Китай абсолютно не соответствовала моим желаниям – так текла жизнь. Отца направили в 1957 году советником при Министерстве высшего образования, в ранге министра, поскольку отец после института всю сознательную жизнь проработал в Министерстве высшего образования... Да, конечно, то, что я увидела, это потрясло.

МК: А в каком качестве Вы туда поехали, чем Вы там занимались?

ЭС: Я поехала на один месяц с отцом, просто проводить его. Отец тоже в первый раз был в Китае. Самое сильное потрясение было следующим: раньше я видела китайские картины с горами в дымке, и считала, что это всего лишь художественный приём. А в Китае я увидела, что это просто жизнь такая, незнакомая нам природа.

Сами китайцы потрясли меня через год, когда я вновь поехала и начала учиться там. А поскольку все университеты были расположены немножко в стороне от города, а отец жил в городе, я часто ездила в транспорте или

ходила пешком в большой комплекс «Дружба», который располагался между городом и университетом, где жили наши специалисты и была поликлиника и магазины. В автобусе все обращали внимание на мои ноги в прозрачных чулках, потому что это было китайцам непривычно, и все, конечно, громко призывали посмотреть на «седую» девушку, потому что нас было человек 16 блондинок на весь Пекин.

Китайцы, которых видела по дороге, в автобусе и везде, они потрясали: а) бедностью и б) абсолютной непринуждённостью. Китаец мог висеть на поручне в автобусе и петь почти в полный голос, и это ни у кого не вызывало удивления. Китайка, вышедшая из поезда дальнего следования, на вокзале находила именно меня, чтоб на каком-то диалекте начать спрашивать, как ей куда-то пройти. И традиционно китайцы, извините, завязывались, застегивались уже выйдя из туалета, очень по-простому. А, в жару, ожидая автобус, китайки, присев, задирали подолы юбок и обмахивались веерами.

К 1957 году я уже окончила два курса государственного экономического института. Когда я приехала в Китай, то начала учить китайский язык.

Нужно объяснить: меня никогда не интересовал Восток и никогда не интересовала история. То есть на обывательском уровне, конечно, интересно, как и что. Но можно довольно быстро понять, что история не пишется, её пишут люди, иногда здорово корректируя в зависимости от очередного правителя или автора.

МК: Как Вы выбирали свою будущую профессию?

ЭС: Куда поступать после школы, у меня не было определённости. Хотелось пойти в театральное, поскольку у нас был очень хороший драмкружок в школе. Но в театральном меня не приняли на просмотре, сказав, что мое лицо трудно поддается гриму. И только выйдя и перестав нервничать, я сообразила, что надо было сказать: «Я иду не Джульетту играть». Папа мне посоветовал: «Иди на обществоведение – это то, что тебя интересует: люди, и как они живут в сообществах». Потом он говорил ещё, что я не умею сидеть и регулярно работать, а это необходимо в усвоении

естественных и точных наук. «Да ты и – гуманитарий по духу». И я поступила на общетеоретический факультет в Государственный экономический институт, теперь слившийся с Плешкой.¹

МК: Вы решили сами учить китайский язык?

ЭС: Нет, так сложилась жизнь. Учить языки мне сложно и неинтересно, да я и не видела смысла. Читать художественную литературу – надо знать в совершенстве не только язык, но и страну, и людей в ней живущих. Лучше уж читать переводы, которые уходят от оригинала, но суть как-то передают. Наукой я не собиралась заниматься, а общения с иностранцами не было, и не поощрялось оно. Да и когда отец взял меня с собой в Китай, я была в состоянии полного безразличия. За полгода до отъезда отца в Китай умерла мама. Смерть матери меня потрясла, я была очень маменькиной, домашней дочкой. Папа, вопреки принятому правилу, устроил мне через год перевод в Китай как студентки.

Я потихоньку начала учиться – в Китае нас было немного. У меня был высокий голос и я прекрасно запоминала тона, поэтому меня использовали для звукозаписи пластинок «Уроки китайского языка».

МК: А где Вы учились?

ЭС: В Пекинском университете был факультет для подготовки иностранных студентов к обучению в вузах. Группа была абсолютно маленькая и разная: двое испанцев, двоюродные брат и сестра (дети приехавших из Советского Союза и работающих на «Радио Пекина»), потом приехали трое геологов с Дальнего Востока. После года обучения языку, в соответствии с моим изначально выбранным высшим образованием, я перешла в Народный университет на общеэкономический факультет. Год я проучилась практически без коллектива студентов, потому что это был 1959/1960 год – «большой скачок». И они всё время куда-то бегали – то большое собрание, то маленькое собрание, то поездки в коммуны... Год я была практически на домашних заданиях.

---

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.

Там в *Жэньда* уже было несколько человек наших, но они были намного старше меня, приехали туда чуть ли не аспирантами. В том числе там был наш известный тибетолог Парфионович Юрий Михайлович,² был Станислав Аркадьевич Былиняк.³ А землячество советских студентов в КНР было многочисленным: Людмила Георгиевна Егорова, Михаил Леонтьевич Титаренко,⁴ Наталья Павловна Свистунова,⁵ были ещё питерцы, тогда – ленинградцы, и другие.

Из трёх экзаменов, которые я сдавала в начале 1960-го года, один я сдавала на китайском языке. Это была история народного хозяйства Китая. По ночам, поскольку днём стояла страшная жара, я штудировала огромные по размеру методические разработки, которые и сейчас тоже выходят. Пошла, всё рассказала, что у меня было по билету, и мне поставили «пять». Услышав про это, мои старшие товарищи сказали: «Пять? Понятно! Ты начала с апломбом рассказывать на абсолютно непонятном преподавателю языке, и он решил: раз она так уверенно говорит, наверное, она что-то знает».

Один из двух других экзаменов, что я сдавала на русском, был по политэкономии. За этот экзамен мне поставили «четыре», поскольку возникли политические противоречия. Хрущёв говорил, что труд должен не только морально поощряться, но и материально. Преподаватель настойчиво добивался от меня, чтобы я сказала, что моральное поощрение труда важнее при социалистическом строе. Я всё соглашалась с ним, а потом опять возвращалась к материальному. Говорили мы долго, говорили по-русски, но в результате мне поставили «четвёрку». Про третий экзамен ничего не помню.

МК: Были ли у Вас друзья среди китайцев?

ЭС: Дружеских отношений с китайцами у меня не завязывалось,

---

² *Парфионович Юрий Михайлович* (1921-1990). Китаевед, тибетолог, к.и.н., сотрудник отдела Китая ИВ АН

³ *Станислав Аркадьевич Былиняк*. Профессор, д.э.н., главный научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

⁴ *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934 г.р.). Китаевед, д.и.н., директор ИДВ РАН, академик РАН

⁵ *Свистунова Наталья Павловна* (1930, г.р.). Китаевед, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИВ РАН

поскольку мы не были вместе ни на каких собраниях, и на занятиях не пересекались практически. В отсутствие контактов с китайцами я водила знакомство с соотечественниками и иностранцами. В Пекинском университете я познакомилась с одной канадкой, дочерью редактора коммунистической газеты в Канаде, которая прекрасно болтала и по-английски, и по-китайски. Она была очень коммуникабельной, с ней можно было обо многом разговаривать, даже при использовании моего весьма ограниченного «вокабуляра» на китайском и международных слов. Она вытягивала меня в «общественную» жизнь. Кроме этого, были иностранцы из соцстран, в частности, за моей соседкой Аклимой ухаживал чех, впоследствии они поженились. Мы ездили на пикники, в клубы и прочее. В результате, меня вызвали в посольство, где секретарь комитета комсомола посольства строго спросил, почему меня приглашают на пикники, а его не приглашают. Я искренне ответила: «Потому что на вас брюки, а на мне юбка». «Я вас всерьёз спрашиваю» – грозно сказал он. «А я вам всерьёз отвечаю. Социалистические правительства посылают мужчин-специалистов в заграничные поездки на 9 месяцев, считая, что они могут на этот срок обойтись без жены. Им скучно! Им хочется хотя бы услышать женский смех, поэтому и приглашают».

Когда я это рассказала отцу, он сказал: «Поедем-ка домой, а то ты тут вляпаешься в историю». Всех специалистов уже отсылали, поскольку шёл 1960-й год, и, хотя министр очень просил отца остаться, но он сказал: «Не могу пойти против Партии и Правительства». Возможно, за этим пафосом скрывались и иные причины: думаю, отец знал, что такое «чистки», и, верно, чувствовал, что надвигается в Китае. Мне было всё равно, и я поехала обратно в СССР.

МК: Остались ли от этих двух лет жизни в Китае какие-то особенно яркие личные впечатления?

ЭС: Один раз я отдыхала в курортном городке, где отдыхали советские и иностранные дипломаты. В то же время знакомые мне студенты ехали в

соседний городок отдыхать и заехали за мной на автобусе. Им так хотелось нашей еды – маслица, хлебушка – потому что не все влюбляются в китайскую еду. Я решила их угостить (ибо в местах концентрации советских специалистов всегда был магазин с европейскими продуктами). Как ехать я не знала, а автобус за ними должен был приехать, когда уже нужно было бы возвращаться. Но я знала, что оба эти городка находятся на берегу, и я пошла по берегу. Абсолютно пустынный берег. Казалось, на всём свете есть только я и море – потрясающее впечатление!

В одном месте в море впадала речка, которая, как всякая речка в погранзоне, тоже являлась погранпостом. С обеих сторон моста стоят китайцы с ружьём (или какой иной стрелялкой, я в этом не разбираюсь). Мне надо было перейти речку по мостику, потому что форсировать её у меня не получилось, она была довольно глубокая. Я подошла к человеку с ружьём и стала объяснять: я советская студентка, мои друзья вот там живут, а вот там живу я, в таком-то городке, куда я и иду. У китайцев очень часто бывает – когда начинаешь говорить с ними по-китайски, даже если теоретически они говорят тоже на пекинском диалекте, они не воспринимают как китайскую речь то, что человек с иностранной физиономией говорит. Он некоторое время слушал меня, потом махнул рукой. Я пошла по мосту, а он что-то прокричал другому, и тот молча меня пропустил, даже не подошёл ко мне. Так я и дошла до своего городка. Это было потрясающе! Эта абсолютно иная атмосфера, абсолютное безлюдье – ведь я бывала на побережье моря, но это что-то иное. И эти два солдата, которые пропустили странного человека. Думаю, они понимали, что я ничего плохого не сделаю. Но назад меня не пустили. Пришёл староста землячества, отдыхающего там, и сказал: «Эль, папа в командировке. Отпустить тебя одну мы не имеем права. А если к тебе приставят охранника, я боюсь, что папе будет неудобно, когда он вернётся». Я знала нечто подобное по Советскому Союзу: с нами в экономическом институте учились немцы, которые жили на Стромынке. И чтобы прийти к ним в гости надо было с паспортом приходить – вечно были сложности в

СССР при общении с иностранцами! (А если советский человек за границей – сложностей ещё больше)

Пожив в Китае, посмотрев как там живут люди, я говорила и нашим специалистам, и даже студентам: «Вы живёте здесь как колонизаторы, абсолютно не так, как живут эти люди». Хотя наши студенты рассказывали, что в первое время они просто голодали на ту стипендию, которую им выдавали, как и китайцам. Потом они потребовали в посольстве, и тогда им стали доплачивать. И это были великолепные деньги. А специалисты получали баснословные деньги (учитывая к тому же тогдашние цены в Китае). Может быть, это не бросалось в глаза большинству китайцев, но обширная обслуга из китайцев, прежде всего в «Дружбе» (этом самом городке, где сосредоточились все, прежде всего, семьи специалистов из соцлагеря и сами специалисты, работающие в Пекине и его окрестностях), видела, что эти советские социалистические специалисты жируют, как они оставляют недоеденными куски мяса, как получали бупяо⁶ в неограниченном количестве при очень строгих нормах для китайцев. Боюсь, что в антисоветизм времён «культурной революции» и этот наш «грех» входил составной частью.

Насчёт социалистического равноправия в самом Китае мысли тоже не возникало. Наш корпус в *Жэньда* стоял довольно далеко от выхода из университета, и по дороге мы проходили мимо студенческой столовой – это был большой ангар типа нынешних рынков. Там вокруг да около стояли, сидели на корточках студенты (больше – мальчишки, но и девчонки тоже) и палочками ели из своей миски рис и какую-нибудь травку, редечку или ещё что-то. А рядом с нашим корпусом находилась так называемая профессорская столовая, в которой к нам был приставлен повар, готовивший потрясающую российскую и европейскую еду, хотя и китайская у него получалась тоже очень вкусная. Утром я практически всегда ела традиционную жидкую

---

⁶ Карточки на хлопчатобумажные изделия: хочешь – вату покупай, без которой зимней одежды не сошьёшь, хочешь – ситец. А какие красивые там были ситцы и поплины!

рисовую кашу с солёной редечкой. Но иногда в обед мы приходили к большущей кастрюле с бульоном и куче пирожков с мясом, вкусноты неопишуемой. Нередко можно было увидеть, как китайцы собирались за огромным круглым столом, который был заставлен как положено – и мясо, и курица, и всё такое прочее... Внешний вид у тех, кто собирался в профессорской столовой, на мой взгляд, был простоватый. Возможно, часть из них была из революционных кадров. По крайней мере, мне не казалось, что это профессура. Они часто устраивали такие застоля и, возможно, выпивали, потому что разговор бывал шумненький.

В то время в Народном университете советские студенты жили по одному человеку в цементных коробках-комнатах размером в 8-10 кв.м; общая туалетная комната, похожая на армейскую, с умывальниками только с холодной водой, располагалась одна на этаже. В Пекинском университете для размещения иностранных студентов были три очаровательных двухэтажных старинных юаньчика в парковой зоне, в которых были душевые с горячей водой. Я ездила к отцу в гостиницу, которая была, по моему мнению, ещё времён колониальных. В ванной в этой гостинице надо было купаться, как говорится, по-английски – «в собственной грязи» (смесителей и душа не было).

Ещё в Народном университете я поняла, что восхищение папы равенством в Китае (например, министр наравне со всеми выходит на гимнастику во время специального перерыва, наравне со всеми выходит копать чего-то там, и прочее) – довольно поверхностное. Я всегда говорила отцу, что из окна автомобиля страна видится по-одному, а при передвижении в общественном транспорте или пешком по дорогам всё воспринимается совсем иначе. Но он, как сын своей Партии, умел некоторые вещи не видеть и не слышать.

МК: Вы путешествовали по Китаю?

ЭС: К сожалению, путешествие вдоль моря было единственным в моей жизни в Китае, кроме маленьких поездок вокруг Пекина. Я ведь собиралась прожить там до получения диплома. По Пекину я походила много. Чувства

страха не было абсолютно. Наверно, защищала белая кожа, потому что кроме удивления, ты ничего не вызывал.

Потрясало в то время отсутствие воровства на улицах. В силу некоторых причин мне нужно было избавиться от одной вещи. Я начала её оставлять на скамейках. Но что бы ты ни уронила, ни оставила, тебя вскоре спрашивают: «Это не ваше?», и вновь это вручают в твои руки.

Потрясало, конечно, количество голодных детишек, которые к белому человеку налетали, как саранча.

МК: Но без воровства.

ЭС: Во всяком случае я не сталкивалась с этим. Мне рассказывали про группу российских женщин, которые приехали в 1995 году на конгресс женщин и ходили смотреть Гугун. В результате, когда все, разморенные жарой, присели в тенёчке, одна из них вдруг закричала: «У меня пропала сумка!». Пошли в ближайшее отделение милиции, и сопровождавшая их переводчица сказала «жирному начальнику»: «Если ты не найдешь сумку этой участницы международного конгресса, то я тебе очень сочувствую, а если найдешь – может быть что-нибудь интересненькое». Когда вернулись в гостиницу, рассказывала она, их уже ждал полицейский начальник с этой сумочкой и кинокамера.

Но во время моей поездки не было воровства, я никогда не сталкивалась с ним. Наши домики-юани в Бэйда, где жили мы, иностранцы, не охранялись. Я даже не помню, запирали мы двери или не запирали.

МК: С кем из китаеведов в свое пребывание в Китае Вы общались?

ЭС: Свистунова, Кучера,⁷ Титаренко – это была не моя компания. Люся Егорова, Зина Лапина,⁸ Юра Парфионович, Былиняк, да много кого из тех, кто там учился или уже аспирантуру заканчивал, в том числе и питерские,

---

⁷ Кучера Станислав-Роберт (1928 г.р.) китаевед, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник-консультант ИВ РАН

⁸ Лапина Зинаида Григорьевна (1934 г.р.) китаевед, д.и.н., заслуженный профессор МГУ (2002)

конечно: Гусаров, Мельниченко.⁹ В общем, вот это поколение. Не моё – постарше, но многие тогда были в Китае. Если можно говорить о каком-то общении, то это Юра Парфионович. Слегка подвыпивши (а он этим весьма увлекался), он очень мило учил меня жить (у нас с ним была немаленькая разница в возрасте, а главное – мне было всего 19 лет, и я была глупенькая, совсем не знала жизни). Милая соседка была по комнате в Бэйда – Аклима из Алма-аты.

МК: В дальнейшем, после возвращения в Москву, как получилось, что Ваша судьба в итоге оказалась связана с китаеведением?

ЭС: Жалко было года обучения китайскому языку. Я пошла в ИСАА, сказав М.Ф. Юрьеву,¹⁰ что окончила 2 курса Московского экономического института, год проучила китайский язык в Китае, а год в Народном университете можно не считать, он был не очень плодотворным. Юрьев сказал: «Вы понимаете, Вам придётся поставить крест на этих четырёх годах и поступать на первый курс, потому что наши требования к языку довольно серьёзные и эти зачатки Вашего, в принципе, разговорного языка, тот небольшой уровень (естественно, я учила сокращённые иероглифы) – его не достаточно. Надо идти на первый курс». Мне было жалко: четыре года – псу под хвост. Я пришла к папе и говорю: «Не приняли». Он сказал: «На экономическом факультете в Университете есть кафедра страноведческая, и там есть Китай. Я даже знаю, кто ведёт там Китай. Давай пойдём туда». Я отнесла туда свои документы, меня приняли на третий курс, поскольку раньше я два года в СССР уже проучилась. Меня с самого начала предупреждали: будет трудно. Разница в программах общеэкономического факультета в Университете и экономического института была настолько гигантской, что в зимнюю сессию мне надо было сдать 25 предметов. И тогда

---

⁹ *Мельниченко Борис Николаевич* (1935 г.р.). Исследователь Юго-Восточной Азии, буддолог, д.и.н., профессор СПбГУ

¹⁰ *Юрьев Михаил Филиппович* (1918-1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран советско-финской войны (1939-1940) и Великой отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956-1990). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967)

я поняла, что это никуда не годится, и я перевелась на второй курс. У нас был преподаватель китайского языка (вовсе не «носитель» его), но часов очень немного было, и я была единственной, кто на моём курсе собирался специализироваться по экономике Китая.

МК: Это связано с охлаждением отношений?

ЭС: Я думаю, что даже набора не было. Это было уже в 1960-м году. На курсе годом старше, на который я сначала поступила, было два китаиста. На моем я была одна, а ниже – уже не было никого.

Набор 1965 года уже серьёзно изучал экономику; а у нас была так, «гуманитарная экономика». Вот семинары по «Капиталу» (Карла Маркса, а то вдруг кто уже не знает) проходили даже 2 года (частоту, правда, не помню). Мой руководитель, которому я помогала делать какие-то таблицы, ничему меня не научил. Преподаватель китайского языка был русский, и я стала забывать язык. В 1961 году один год у нас вёл экономику, хотя и не экономику Китая, сотрудник из Госплана – очень интересный по темпераменту человек и много знающий. Он рассказывал об экономике в реалиях, о подводных камнях, о которых несведущий человек и не догадывается, и это было потрясающе. Именно тут я поняла, как строится экономика без всяких коэффициентов.

Я защищала диплом в научно-исследовательском институте при Министерстве внешней торговли. Там был очень интересный китаист, Нетрусов, по-моему, его фамилия была. Мне было всё равно, и я училась спустя рукава. Кто-то из обсуждавших спросил: «У автора очень много сносок на английском языке, а из анкеты мы знаем, что она учила только немецкий язык. Это как?» На что Нетрусов улыбнулся и сказал: «Изыскивать нетривиальные ходы в поисках источников – это хорошие данные для учёного. Список используемых статей приведён, и цифры нормальные». Я получила, по-моему, «тройку».

В Университете на 4-м курсе произошёл следующий случай. Я ждала, когда начнется кафедра, на которой меня собирались исключить. А

следующим шагом было бы исключение из университета. Я сидела, кажется, в читальне или на балюстраде. Ко мне подошла абсолютно незнакомая женщина и сказала: «Вы меня, ради Бога, извините, я в аспирантуре и несколько раз видела Вас. Я знаю, что сейчас готовится заседание кафедры, на которой Вас собираются отчислить. Пожалуйста, постарайтесь не улыбаться. Я понимаю, что вы улыбаетесь от смущения, но у вас такая улыбка, которая всех размазывает по стенке, опускает ниже плинтуса. Такие вещи не прощают.» Я запомнила. Но это не мешает мне иногда, наверное, неконтролируемо улыбаться.

МК: И Вас не исключили.

ЭС: Не исключили. На госэкзамене я получила «тройку», потому что секретарь парторганизации факультета задолго до госэкзамена (не помню, за что он на меня взъелся) сказал: «Я знаю, что Вы много знаете, и знаю, что Вы умеете говорить. Но я Вас завалю». И после ответа по билету он меня спрашивает: «А вот ответьте мне на вопрос: в чём разница между колонией и протекторатом». Я сказала: «Простите, мы это проходили в 9-м классе, и я уже не помню». «Вот, я же и говорю». И «тройка» мне закатил. Всё равно, даже если было бы «отлично», это был 1964 год, и устроиться китаистом даже с прекрасным знанием языка было бы чрезвычайно сложно. Но тут опять помог папа. Меня устроили в ВИНТИ,¹¹ в отдел первичной обработки литературы. Нам приходило много журналов на всех языках (правда, ручеек журналов с китайского иссякал постепенно). Мы должны были не только сортировать журналы по тематике. Мы должны были ещё выбрать ценное из того, что напечатано в них и отправить в соответствующую редакцию. Работа этого отдела оценивалась по количеству невозвратов из редакций. Ещё мы расписывали патенты, основной массив которых были на японском языке (там главное – надо было по словарю специальному протранскрибировать японские фамилия).

Моя невестка – геофизик, она запросто разбирается в китайских статьях,

---

¹¹ Всероссийский институт научной и технической информации

поскольку там есть графики, формулы, и она понимает, что к чему. А я ничего не понимала. В общем, я делала подстрочник заголовка со всеми указанными значениями слова в словаре (с которым я научились обращаться весьма споро): «рубин», «передать», ещё что-то – в результате это оказывался «лазер». Так что я делала подстрочник, приходила в соответствующую редакцию, говорила: «Кто хочет разгадать кроссворд?» Кто-нибудь интересующийся садился и говорил: «Эту статью нам надо; а эту не надо, это все известно». Так я в итоге давала вполне сносный заголовок и снизила процент возвратов.

Но было скучно, несмотря на то, что мы участвовали в нескольких международных или союзных выставках (в ВИНТИ, конечно, в целом, но молодых привлекали сидеть у стендов – всё-таки развлечение). В Отделе собрался неплохой коллектив, и начальницу мы любили, звали «мама Соня».¹² Ведь в любом коллективе очень важен руководитель. Люди создают климат, но от руководителя зависит чрезвычайно много.

Делать подстрочечник, используя словарь, в котором я ориентировалась уже очень хорошо, мне было скучно, а в это время у меня не было языковой практики. Поэтому я пошла учиться (от скуки) и затем сдавать кандидатский минимум по философии (это было легко, тогда бывшая Ленинка работала до 23 часов, после работы забежишь в магазин и – в библиотеку).

Мне порекомендовали обратиться в институт востоковедения, в отдел Китая, к товарищу Вяткину.¹³ Он сказал: «Да что Вы! У нас, во-первых, нет ставок. Во-вторых, Вы же не историк». Я грустная ушла. Потом моя приятельница по Китаю, Татьяна Коровкина, она же Никитина, которая

---

¹² Потрясающая женщина была, добрейшая, очень интеллигентная. Муж у неё работал в НИИ при Министерстве внешней торговли, где я защищала диплом. Как было в старых семьях, они оба имели свои «девичьи» фамилии; оба окончили востфак во Владивостоке

¹³ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910-1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939-1956). Научный сотрудник Института китаеведения (1956-1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960-1967)

работала в отделе, который потом стал Институтом Дальнего Востока, сказала мне: «Иди к нам. Тут маленький коллектив, хорошие люди, они занимаются современностью». Я пришла, и встретил меня Бергер,¹⁴ который был секретарем парторганизации, во-первых, и, во-вторых, под ним был отдел информации. Это уже был ИДВ. Также с ним был начальник первого отдела, потому что в институте была военная охрана. Меня честно спросили, что я умею; я честно ответила, что ничего. Начальник первого отдела сказал: «Возьмём на старшего лаборанта?» А Яша Бергер говорит: «Она же младший научный сотрудник, давай на эту ставку и возьмём». Потом я очень долго на ней сидела. Меня кто-то ругал, что не требую повышения, да не за что было повышать (да и трудно было со ставками всегда).

Так у меня появился первый учитель – Яков Михайлович Бергер. По национальности он – еврей, а посему при поступлении в ВУЗ у него был ограниченный выбор, из-за пятого пункта, как говорили тогда, хотя он закончил школу с золотой медалью. Он дружил с Юрой Новгородцевым, у которого отец был филологом и который сам пошел на филологию по Китаю, а заодно позвал поступать с собой Бергера. И Яков Михайлович пошёл в МИВ. Когда он окончил, ему предложили, независимо от красного диплома, поехать преподавать английский язык, куда троечников посылали. Но он был уже женат к тому времени, и поэтому ему разрешили свободное распределение. По хорошему отношению его устроили в институт географии, возможно, даже не в отдел информации. В ИВ АН он пошёл уже как кандидат географических наук с прекрасным знанием языка, с потрясающей памятью.

На новой работе я переводила с китайского. Я реферировала немецкие и китайские журналы, как-то получалось. Недавно Артём Кобзев¹⁵ вспомнил,

---

¹⁴ *Бергер Яков Михайлович* (1929 г.р.). Китаевед, д.и.н., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

¹⁵ *Кобзев Артём Игоревич* (1953 г.р., Москва). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999). Окончил философский факультет МГУ(1975). Историк китайской философии. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за достижения в области китаеведения и подготовку 6-томной энциклопедии *Духовная культура Китая*. Научный редактор сайта synologia.ru

сказав: «А прав был Лев Петрович:¹⁶ с человека нельзя получить больше, чем то, на что он способен; и не надо пытаться». У Бергера это тоже было. Но, главное, что он умел дать задание и так ответить на вопросы, может быть, самые глупые, что собеседник не чувствовал себя униженным. Можно было быть уверенным, что тебе помогут, а не осудят и не облают. Для меня это очень важно, потому что я никогда не уверена в том, что и как я делаю. Однажды я подошла к Якову Михайловичу и сказала: «Китайцы закупают твёрдую пшеницу, которую они не едят, но которая очень хорошо складировается». Тогда был моден лозунг: «На случай войны и голода...». И я предположила: может, они действительно пищевые запасы делают? Бергер сказал: «Пришла мысль, ответьте». «Как?» «Элементарно: посмотрите статистику, сколько человек, сколько скота, что, кто и сколько съедает, и прикиньте – идёт это зерно в запасы или нет».

Я села и написала свою первую работу, с подсчётами, с графиками, и она была опубликована в информационном бюллетене.

Для меня ценнейшее качество в начальнике – стимулировать собственную работу сотрудника с добрым, доброжелательным отношением к её результатам. Потом я ещё стала писать.

Яков Михайлович мне подсказал: «Судя по Вашим интересам, Вам близки проблемы рабочего класса Китая, потому что это тоже социальная история, потому что это одна страта населения, которая, во-первых, модна – у нас же диктатура пролетариата, а, во-вторых, она интересна». Так у меня появились статейки по рабочему движению. А потом Юра Новгородцев подарил мне 2 больших тома *дацзыбао* 大字報¹⁷ 1957 года «Движения исправления работы Партии», притом первого, экспериментального периода. Я смотрела на этот

---

¹⁶ Делюсин Лев Петрович (1923-2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942-1944). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950-1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959-1965). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967-1990). Интервью с Л.П. Делюсиным для проекта «Китаеведение – устная история» см.: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php> и <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

¹⁷ *Дацзыбао* 大字報, dàzìbào — «газета, написанная большими иероглифами» — рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды, выражения протеста и т. д.

сборник с большой тоской. Я начала переводить его в ИДВ, но было очень сложно, потому что нужен был такой человек, как Ду И-син,¹⁸ к которому я впоследствии приходила с своим переводом, как и все к нему приходили, и он помогал разобраться. Это был современный китайский язык с редкими цитатами на вэньяне. Но иногда даже Ду И-син ничего не понимал. Смотрел, смотрел и говорил: «Я тоже ничего не понял. Видимо, совсем безграмотный человек писал». Плюс, непонятны были и специфические термины.

Кстати, в ИДВ был потрясающий переводчик – Борис Миттбрейт. Он собирал *буль*,¹⁹ а это дорогое увлечение, и по этой причине он очень много занимался переводами. Однажды пришёл довольный и говорит: «Пианино купил булевское! Это тот самый случай, когда я купил мебель ради мебели, потому что никто в моём доме не играет на пианино. Но это *буль!*». Он так красиво переводил даже из журнала *Хунци*,²⁰ что я думала: «Как надо знать язык, чтоб это топорное нечто перевести так! Пытаешься и не получается, потому что сам как в колодки зажат».

Потом нас посадили переводить большой справочник под названием «Кто есть кто в китайской армии», тайваньский сборник 1967-1968 года. Во-первых, там были несокращённые иероглифы, и, во-вторых, этот язык даже я была в состоянии почти грамотно переводить.

МК: Как в дальнейшем складывалась Ваша научно-исследовательская карьера?

ЭС: Дальше был трагичный период. Бергер ушёл в институт научной информации, который стал создавать Лев Петрович Делюсин. Он возглавил

---

¹⁸ Ду Жи-синь (杜日新, Ду И-син – собственный вариант озвучивания имени) (1902-1985). Родился в пр. Шаньдун. Приехал на заработки на Дальний Восток России, учился в Военно-артиллерийской академии в Москве. Учился отлично, но вскоре арестован как китайский шпион. Прошёл Гулаг (район Воркуты), поселение в Казахстане. После реабилитации стал консультантом в Институте китаеведения, ИВ АН СССР. Многие монографии, словари и переводы китайских памятников вышли с его квалифицированной помощью

¹⁹ Буль (фр. Bouille) — мебельный декоративный стиль, названный по имени французского мастера Андре-Шарля Буля

²⁰ *Хунци* (Красное знамя) – политический журнал, орган ЦК компартии Китая. Основан в 1958. Издаётся в Пекине

отдел научного коммунизма, и его продукция продавалась на чёрном книжном рынке за хорошие деньги. Это был прекрасный отдел, и прекрасные выпускались реферативные сборники и переводы и прочее. Но он ушёл из института.

Я была в аспирантуре и перешла в отдел Никольского, поскольку рабочий класс был как бы частью экономических проблем страны, а социальной истории практически не было. Миша Никольский был прекрасный человек, но он – научный руководитель для людей самостоятельных, а я не являюсь таковым. Мне надо обязательно принимать участие в коллективной работе, вместе решать проблемы с кем-то или присутствовать при этом, это побуждает меня действовать и делать свою работу. Я – не-самостоятельный человек.

В результате я год-два прожила великолепной жизнью. Занималась своим любимым делом – лежала на диване, читала, смотрела фильмы, бегала по всяким фестивалям, ходила в театр, пила кофе. Но потом подумала, что ещё немножечко, и я либо врасу корнями в свой диван, либо просто разучусь работать. И тут Таня Коровкина опять предложила мне перейти. Это был, как я его называла, институт «чёрных полковников». Они занимались сбором экономической информации обо всех странах; и я перешла в восточный отдел.

МК: А как это учреждение называлось?

ЭС: В 1990х, открывшись, он, кажется, назывался Московский институт межотраслевой информации (если я ничего не путаю). В этом институте я поняла разницу между родами войск, известную мне ранее по литературе и фильмам. Например, самые скучные и простоватые – пехотинцы; потом идут танкисты, а моряки – это ещё более открытые, отзывчивые люди. И верх, элита – это лётчики. Они действительно разные. Там также были кадры из военных разведок разных родов войск. В большинстве своём были полковники. Может быть, отставники, а, может быть, всю жизнь работающие в этой отрасли, не знаю.

В 1973 году я перешла в этот институт на должность старшего научного сотрудника, с прекрасной ставкой, с ежеквартальными и ежегодными премиями.

Всё было великолепно, кроме начальника. Он был, по-моему, полковник, хохол (я не ксенофобка, ни в коем случае, однако же). Он доводил до слёз сотрудницу нашего отдела – подполковника, специалиста по Чехословакии, взрослую и серьёзную женщину – мол, всё не так, все не то и т. д. У меня тоже было настроение от него – жуть. Но, если честно, я не была готова к такой работе, хотя в курилке было очень интересно поболтать с «коллегами» из других секторов.

Там были и смешные моменты. Иногда, по знакомству, я брала кое-где спецхрановский материал на праздник или на субботу-воскресенье, и утром в понедельник мне надо было передать их назад и успеть на работу, а работать начинали рано. И как-то после ноябрьских праздников мы не состыковались с человеком, и я опоздала. Прихожу на работу и пишу объяснительную записку: из-за нестыковки с внештатным референтом прошу принять как оправданное моё опоздание на работу. Начальник, милейший, ещё вполне молодой, сморщившись, расписался в согласии не считать опозданием: «Идите, всё в порядке». Потом выхожу курить, и ко мне подходит очаровательный доброжелательный лётчик и говорит:

– Ты себя несолидно ведёшь.

– В каком смысле?

– Пишешь – нестыковка с внештатным референтом... Ну всем понятно, почему человек опаздывает после праздников трёхдневных! Так бы и написала, ведь поняли бы тебя и простили. Но зачем врать в глаза начальнику и коллективу?

И убедить их, что я опоздала не из-за пьянки предыдущих дней, я не могла. Всё так открыто, хорошо, прекрасные люди местами, и я впервые попала к окружение профессиональных военных, поскольку в моей семье или ближайшем окружении не было таких. Но всё равно было очень скучно! Я

поняла, что сижу не на своем месте и утомилась от этого «чёрного полковника».

В это время из ИВ АН забрали людей в Институт Дальнего Востока, а Льву Петровичу Делюсину это, вероятно, жутко не понравилось. И когда я пришла опять устраиваться на работу в ИВ АН по принципу – сам я не умный, так хоть среди умных быть, Лев Петрович меня принял. До этого, ещё работая в ИДВ, в 1970х, я ходила сюда на конференции. Бергер ушёл в ИНИОН в 1970-м, а в 1973-м я перешла в вышеописанный институт к «чёрным полковникам», где проработала всего 9 месяцев.

Было очень забавно, что, когда я объясняла людям, что я боялась разучиться работать, и поэтому перешла к этим самым военным – никто меня не понимал. Когда же я говорила – там мне дали ставку старшего научного сотрудника и премии – всё становилось для всех совсем понятно.

После моего перехода в ИВ АН некоторые «доброжелатели» говорили: «Она пришла, покрутила своей задницей в зелёных штанах, и Лев Петрович её взял». Если по-честному, нечем крутить, а брюки я одна из первых принесла в Москву, потому что привыкла в Китае в них ходить. Это было ещё то время, когда ни врачам, ни учителям не разрешалось ходить в брюках, а я очень рано начала ходить в брюках, и носить их мне было очень привычно.

Я думаю, что главное, что представляло во мне интерес для Льва Петровича, это то, что я была бывшим сотрудником ИДВ. К этому времени половина отдела уже была оттянута в ИДВ, и тут кто-то пришёл из ИДВ (понятно, что отнюдь не эквивалентный обмен, но всё же...).

Меня взяли в отдел в ноябре и сразу посадили готовить очередной сборник «Государство и общество в Китае». И мы сидели в компании: Зоя Дмитриевна,²¹ Зоя Сергеевна²² и я. Под руководством товарища Хохлова²³ мы

---

²¹ Каткова Зоя Дмитриевна (1932 г.р.). Китаевед, к.и.н., старший научный сотрудник ИВ РАН

²² Дубасова Зоя Сергеевна (1903-?). Китаевед, к.и.н., научный сотрудник ИВ РАН

²³ Хохлов Александр Николаевич (1926 г.р.) синолог, к.и.н., старший научный сотрудник ИВ РАН

вырезали буквы, вырезали строчки. После цезуры Саша перекомпоновывал материал, а мы переклеивали, переделывали и готовили сборники; денег на перепечатку не было.

МК: А на какую Вас позицию взяли?

ЭС: Младший научный сотрудник.

МК: Расскажите немного об обстановке, которая была в отделе Китая, когда Вы туда пришли.

ЭС: Я пришла работать в уже сложившийся коллектив. Это был 1974 год, то есть Лев уже был здесь более 14 лет. Не помню точное количество сотрудников, но были Калюжная,²⁴ Борох,²⁵ Костяева.²⁶ Чудодеев²⁷ ещё был и Вяткин-старший.²⁸

МК: Было разделение по секторам?

ЭС: Да. Вяткин возглавлял сектор древности и средневековья, Лев Петрович – идеологию. Главное – был костяк, коллектив с разными внутренними взаимоотношениями. Было некое количество плебса, как охарактеризовала Зоя Дмитриевна. Была очаровательная Зоя Сергеевна, просидевшая и за связь со второй женой Блюхера,²⁹ и за бывшего мужа из дореволюционной, верно, интеллигенции. Правда, она сама из Владивостока, а у востоковедов тут была своя тусовка. Она прожила после пяти лет лагерей несколько лет высылки в тайге и потом говорила мне: «Эля, тюрьма – это гарантированная пайка! Когда на высылки отправили, то там надо было зарабатывать самим, а работать негде было. Поэтому это было очень тяжёлое время». Тем не менее, однажды, навещая меня, когда я болела, и время подошло к семи часам, она сказала: «Эля, можно я включу телевизор?» Там шёл фильм про тайгу. И на титрах, которые шли на фоне тайги, она

---

²⁴ Калюжная Нина Михайловна (1928-?). Китаевед, д.и.н., научный сотрудник ИВ РАН

²⁵ Борох Лилия Николаевна (1933 –2011). Китаевед, д.и.н., научный сотрудник ИВ РАН

²⁶ Костяева Александра Сергеевна. Китаевед, научный сотрудник ИВ РАН

²⁷ Чудодеев Юрий Владимирович (1931 г.р.). Китаевед, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИВ РАН

²⁸ Вяткин Рудольф Всеволодович (1910-1995)

²⁹ Блюхер Василий Константинович (1890-1938). Советский военный, государственный и партийный деятель, маршал Советского Союза (1935)

повернулась ко мне и говорит: «Самые лучшие воспоминания моей жизни – это тайга! Это так красиво!». Зоя Сергеевна, по-моему, научной работы никакой не вела, она была сильно в годах.

Были Ду И-син, Крымов (который Го Шао-тан)³⁰ – оба бывшие репрессированные политзаключённые, «зэки», лагерники.

Ду И-син всем помогал переводить, прекрасно знал язык, и ещё много чего знал, непонятно откуда, потому что он приехал ещё до революции ближе ко Владивостоку, чтобы зарабатывать деньги. После нашей революции он окончил местную школу (говорил, что так хотел учиться, да дома не было возможности), переехал в Москву, поскольку де граница с Китаем была закрыта и поскольку получил распределение в институт связи после прекрасного окончания школы. Его тут женили на какой-то женщине. Я очень хорошо запомнила наш диалог: «Она вам понравилась, или что?» «Ну, ведь надо же жениться...». Никаких чувств между его женой и им не проскочило. Был у него сын. Потом они как-то мерзко разошлись.

А «неэлита» – это Зоя Сергеевна, Зоя Дмитриевна, которая пришла буквально накануне моего прихода. Также Кузес,³¹ который вёл кассу взаимопомощи, следил за холодильником, писал про свою компрадорскую буржуазию, работу так и не закончил (хотя мы её обсуждали и оценили вполне положительно, насколько я помню), за что и погорел в год, когда пытались сокращать отдел. Он был ужасно нудный бывший кавалерист, некогда принимал участие в Ошанинском издании и представлял собой маленькую ходячую энциклопедию, поскольку работал над энциклопедией и прекрасно знал язык. Кузес тоже входил в «неэлиту», несмотря на то, что он всем помогал и всё делал (вот уж был мастер на все руки!). Мы даже сидели по разным комнатам. Когда мы переехали в нынешнее здание с Хохловского переулка, то наш отдел занимал директорский кабинет, и две комнаты рядом.

---

³⁰ *Крымов Афанасий Гаврилович* (Го Шао-тан) (1905-1989). Китаевед, д.и.н. (1962), научный сотрудник ИВ РАН

³¹ *Кузес Владимир Сергеевич* (1923-2008). Китаевед. К.и.н. (1978) Окончил ВИИЯ (1949). Научный сотрудник ИВ АН СССР/РАН (1952-1998). Участник ВОВ

Больше никого в институте не было. Полный переезд Института ещё не произошёл, а мы уже обживали здание.

Чёрная работа в отделе – вычитка томиков, вклеивание-вырезание – падала на нас. Хохлов был с нами, хотя он старый сотрудник. Вечерами обе Зои и я сидели и вклеивали по буковке, когда Хохлов перерезал, переклеивал, перекраивал томик после цензуры. Благодаря этому мы ближе сошлись и с Сашей, и с Зоями обеими. Это была наша группка.

Сословное разделение чувствовалось в отделе. Всегда есть старые сотрудники – ветераны этого отдела, независимо от их возраста, это естественное разделение. Но, мне кажется, что элита чувствовала своё интеллектуальное превосходство. Это, наверное, действительно так было.

МК: Были прямые конфликты, или это было на бытовом уровне?

ЭС: Это было заугольное шипение. Открытых конфликтов не было. 60-летие Льва Петровича мы хорошо праздновали, но это было позже, когда институт заполнился, все переехали сюда с Армянского переулка.

Часть той технической работы, которую я делала, была вычитка с машинки. У нас была секретарь, она же наша машинистка Людмила, сидевшая в комнате, которая находится сейчас за директорским кабинетом. В директорском кабинете сидел Лев Петрович, а другие две комнатки были наши. За нынешним директорским кабинетом есть служебная комната, вот в этой комнатке Людмила отвечала на все звонки, связывала с шефом. Мы имели один библиотечный день. Иногда мы расписывались друг за друга. Борьба за посещаемость началась ещё с Рудольфа Всеволодовича Вяткина (а, возможно, и раньше). Была устойчивая сложность, надо было «присутствовать». Компьютеров тогда не было и где сидеть с ручкой, было всё равно. Хотя, всё равно, присутствие «для галочки» – глупо.

Я пришла в отдел в ноябре 1974 году. Если мне не изменяет память, Лев Петрович объединял Бергера, который работал тогда в ИНИОНе, или Гельбраса, который работал в Институте международного рабочего движения, и они писали взвешенные, альтернативные (идэвэшным)

«справки» в ЦК. Приходилось помогать с технической стороны. И в ИДВ, и тут эта работа было очень интересной. Было даже забавно наблюдать, как Яша Бергер писал записки с Сашей Григорьевым, и как Бергер иногда редактировал директорские (кажется, это был Сладковский), требуемые ЦК справки и записки. Надо, чтобы все соответствовало взглядам ЦК КПСС и при этом не опуститься до плинтуса. Они с Сашей долго думали, как это всё сделать. Яков умел поменять одно слово на другое, иногда переставить слово, и статья приобретала более-менее интеллигентный вид.

И Лев Петрович писал, при этом считая, что, критикуя маоизм, они почти все критиковали сталинизм. Когда я пришла в ИВ АН, я часто также занималась технической работой, вычитывала статьи или ещё что-то. Иногда я говорила: «Лев Петрович, эта фраза у Вас – у меня прямо сердце сжалось». И нередко оказывалось, что его попросили этот пассаж снять.

Это было интересно наблюдать за тем, как люди не опускаются ниже своего интеллектуального и научного уровня, выполняя чёрную работу, но воспринимая её и как борьбу с «собственным» злом.

Естественно, это не всегда было в струю, иногда ответ на это был «ассиметричный».

Был такой эпизод: Лев Петрович пришёл, собирает нужные документы, так как завтра он должен вылететь в Америку. Через некоторое время захожу в кабинет ко Льву Петровичу, а он сидит над залитой кровью рукописью (давление резко поднялось, и кровь хлынула из носа), приходит в себя. Я спросила: «В чём дело?». Он: «Отменили завтрашнюю командировку». Раза три я помню такие случаи.

На наших конференциях всегда было что-нибудь очень интересное. Приходил Померанец Григорий,³² очень хороший докладчик, про ойкумену захватывающе рассказывал. Из соцстран приезжали: Фельбер,³³ Полоньи,³⁴

---

³² *Григорий Соломонович Померанец* (1918- 2013). Философ, культуролог, писатель, эссеист, член Академии гуманитарных исследований

³³ *Фельбер Роланд* – Родился ок. 2-й пол. 1930х, умер в 2000х. Профессор Гумбольдтского университета в Берлине, ГДР/ФРГ (1970-2000). Область интересов – экономика древнего

Славински.³⁵ Кто-то из них в это время работал в Москве, кто-то соединял свои появления на конференции с командировкой.

Всегда на конференции мы начинали смотреть и предполагать – кто здесь для того, чтобы написать донос на шефа? Потому что донос поступал моментально – про то, что он без санкции принимает иностранных гостей, или про то, что в таком-то докладе не то сказано, не так было оценено.

Конференция «Общество и государство в Китае» приобрела особый вид, когда через 25 лет его существования без обновления появились в отделе первые молодые сотрудники: Кобзев, Горохова³⁶ и Андрей Крушинский.³⁷ Артём вскоре занялся нумерологией. На это некоторые смотрели очень дико, а Лев Петрович говорил: «Если это кому-то интересно, пусть будет. А если это чушь, оно со временем отомрёт». На конференции стало приходиться очень много людей. Иностранцы к этому времени уже перестали практически приезжать. А на конференции появилась прорва волосатых типажей, лохматых как прическою, так и одеждой, которые увлекались Ицзином, нумерологией, гескаграммами и так далее. Поэтому, когда Дикарёв³⁸ создавал свой первый указатель, и ввёл индекс цитируемости, Кобзев перекрыл все показатели, потому что эта компания цитировала его – прародителя,

---

Китая, проблемы современного Китая и Тайваня. Автор многих работ по истории Китая в XIX-XX вв. и истории связей между Китаем и Германией

³⁴ *Полоньи Петер* Род. в начале 1930х. Венгерский синолог. Исследователь буддизма, работал в одном из музеев Будапешта. В силу требований времени занимался и проблемами современного Китая. После установления новой власти в Венгрии ушёл в бизнес (по сообщению проф. С. Кучеры)

³⁵ *Славински Роман* – польский синолог, профессор Варшавского университета. Сфера интересов – новая и новейшая истории Китая. Родился примерно в начале 1930х. На пенсии (по сообщению С. Кучеры)

³⁶ *Горохова Галина Эдуардовна* (1953 г.р.) Китаевед. Окончила философский факультет МГУ (1975). К.филос.н. (1984, тема: о раннем даосизме в Китае). М.н.с. ИВ АН СССР(1979-1992)

³⁷ *Крушинский Андрей Андреевич* (1953 г.р.) Китаевед. Окончил ИСАА при МГУ (1975). К.и.н. (1984), д.филос.н. (2006). Сотрудник ИМРД (1978-1979), ИВ АН СССР (1983-2007), ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Преподавал в РГГУ. Специалист по изучению *Ицзин* (Книги Перемен)

³⁸ *Дикарёв Андрей Дмитриевич* (1958 г.р., Москва). Китаевед-историк. К.и.н. (1984). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1980). Стажёр Китайского народного университета (Пекин, 1984-1985). Специалист по новейшей истории Китая

руководителя, отца родного – буквально через строчку. Все посмеивались, но отголоски слышны до сих пор. В этом смысле Лев, конечно, потрясающий человек – пусть будет, что будет. На сороковины по Льву Петровичу³⁹ (осталось уже немного людей, которые помнят его и дружили с ним) промелькнула кем-то высказанная мысль, что ни один из его друзей не может вспомнить резкое слово, исходящее из уст Льва Петровича.

Я сказала: «Прошу прощения, но, во-первых, я слышала, что Лев Петрович не получил звание членкора, потому что у него были плохие отношения с некоторыми товарищами наверху, в том числе с товарищем Тихвинским.⁴⁰ На 60-летие Тихвинского, которое проходило у нас в теперешнем директорской кабинете в Отделе Китая. Лев встал с тостом, но сказал что-то настолько уничижительное юбиляру в лицо, что я не привыкла от приличных людей слышать. Сердце упало. Однако это высказывание сказано было с доброй улыбкой, и по форме это всё было прилично.

И второе ценное качество – якобы его неспособность сердиться. Я очень долго хранила, пряча, протоколы обсуждения работы Илюшечкина.⁴¹ Там была теоретическая стычка: Илюшечкин то ли писать в ЦК КПСС собирался, то ли написал. Лев Петрович его очень зло выставил из кабинета, очень безапелляционно, со вспыхнувшими ярко-голубыми глазами, которые я больше у Льва Петровича никогда не видела. Я спросила у жены Делюсина: «У Льва Петровича глаза голубеют только во время злости?» Она отрицала, что он может злиться, и он тоже говорил, что вовсе не был зол. Но он умел ненавидеть. Это не всегда было заметно, но, в принципе, он умел».

МК: С чем был связаны его недобрые отношения с Тихвинским?

---

³⁹ Лев Петрович Делюсин (1923-2013) умер в Москве 22 мая 2013 г.

⁴⁰ *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918 г.р., Петроград). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939-1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961-1963). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁴¹ *Илюшечкин Василий Павлович* (1915-1996). Китаевед, д. и.н., д. филос. н., научный сотрудник ИВ АН

ЭС: Я думаю, что это разного целеполагания люди. Тихвинский вряд ли может сказать высшей и не высшей инстанции что-то, что противоречит общей линии Партии. Это, видимо, тип школы влияет. А Лев Петрович всегда умел идти поперёк. Кто-то из бывших коллег говорил про него, что это человек, который приходит со своим мнением к директору и выходит от директора с тем же мнением. Эта негибкость портила его отношения со многими. Он и при Примакове⁴² тоже так держался. Говорят, что он защищал отдел, помогал ему сохраниться. Отдел был немаленький и проблемы тоже были немаленькие: были Завадская,⁴³ Занегина,⁴⁴ Рубин.⁴⁵

Конференция начиналась с диспута Васильева⁴⁶ и Рубина. Какие это были пиршества духа, эти самые вот конференции первые! Я тогда у Бергера работала, он вернулся с первой конференции с горящими глазами. Я говорю: «Можно туда с Вами пойти?» Он говорит: «Пошли!»

Пошла я уже в 1971 году. Было немного людей, хотя и иностранцы попадались. С 1970-го она практически началась. В 1973-м я тоже сюда приходила, но мои первые две, они особенно впечатляют. Они происходили в маленькой комнате с низкими потолками, в которой жила Синологичка.⁴⁷ Тут

---

⁴² *Примаков Евгений Максимович* (1929 г.р., Киев). Востоковед-арабист. Окончил МИВ (1953). Д.э.н. (1969). Профессор (1974), академик АН СССР (1979). В 1970-1978 был замдиректора ИМЭМО АН СССР. Член ПБ ЦК КПСС (1989-1990). Директор службы внешней разведки РФ (1991-1996). Министр иностранных дел РФ (1996-1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ (1998-1999). Депутата Госдумы РФ (2000-2001). Президент торгово-промышленной палаты РФ (с 2001)

⁴³ *Завадская Евгения Владимировна* (1930-2002). Китаевед, искусствовед, переводчик. Канд. искусствоведения (1962), д.филол.н. (1983), профессор. Окончила истфак МГУ (1953). Научный сотрудник Музея восточных культур (1950-1954), института философии (1954-1957), ИВ АН СССР (с 1957). Преподавала в институте им. В.И. Сурикова. В 1990х преподавала на Тайване

⁴⁴ *Занегина Нина Борисовна*. Китаевед, научный сотрудник ИВ РАН

⁴⁵ *Рубин Виталий Аронович* (1923-1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил Истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951-1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953-1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969-1972). Профессор Иерусалимского университета (1976-1981). Изучал историю философии древнего Китая

⁴⁶ *Васильев Леонид Сергеевич* (1930 г.р.). Китаевед, д.и.н., профессор, научный сотрудник ИВ РАН

⁴⁷ Синологическая библиотека РАН (ныне находится в ИДВ РАН)

были старинные картотечные шкафы-ящики ящички, был запах старой бумаги, старой мебели и даже старой думы, старых дум. Это ощущалось, потому что таким было само помещение, возможно и купеческое, судя по расположению и метражу. Была ещё Дора Натановна, директриса этой самой Синологички. Все тут друг друга знали, поэтому не надо было придумывать аргументы pro et contra, они были у всех наготове. Это было потрясающе. Я вообще помню эти события в основном по силе своих ощущений. А по поводу чего эти ощущения были, иногда я не помню.

В Отделе были интересные обсуждения книг, готовых к изданию. Тогда обсуждения книг, во-первых, проходили реже, чем сейчас, потому что не было планов на монографии трех или пяти лет. Во-вторых, книжка обсуждалась, а потом лежала пять, десять лет (а то и больше) в Учёном совете или в издательстве. На депонент было очень уничижительно отправлять, это было равно выкидыванию книги в мусор (а мне так кажется, что разница 1 экземпляр или 100 – не очень существенна. К тому же книга на депоненте имеет карточку в каталоге и желающий может рукопись просмотреть, да и авторские права защищены). Когда мы первые томики конференции выпускали, то здесь вот, под нашим отделом, была Восточка (восточное отделение Академиздата, то есть издательства «Наука»), и это было репринтное (если не ошибаюсь) издание. Негласно, во всяком случае официально не сообщая Льву, мы частично продавали томики конференции (тоже на конференции) тем, кто не имел права на бесплатный экземпляр. Эти деньги Хохлов хранил, и когда приходило время печатать новые томики, то на эти деньги старая знакомая машинистка, которая делала наполовину по любви, печатала нам. Мы сами резали-клеили, потому что денег на перепечатку не было. Это тоже очень спланивало коллектив, потому что была общая работа. Однажды, уже мы были на современном местоположении отдела, нам приготовили листы для сдачи на переплет, и выяснилось, что перепутали страницы и надо было вручную разложить. Наша бывшая элита странички две-три переложила и ушла. Как я говорю – главное завернуть

рукава и по-тихому уйти, ни в коем случае не сопротивляясь. Помогали мне, как я сказала, «фашистка и коммунист» – Крушинский и Дорофеева.⁴⁸ Андрей тогда (а это было уже в 1990-х!) сказал: «Я – коммунист теперь». А Вера, как всегда – вызывающе элегантная, говорила: «А я – фашистка». Мне же оставалось лишь сказать, что всегда знаю, на кого опереться – на людей, которые понимают слово «порядок», а не на всяких там интеллектуалов.

В эту конференцию было вложено много труда наших сотрудников, если иметь в виду непосредственно не авторство, а техническую сторону. И, может быть, поэтому меня отношение к конференции, как к усыновлённому ребёнку. Сначала у Льва Петровича собирались пообщаться те, с кем ему и кому с ним было о чём поговорить, и беседовали весь перерыв. Поэтому пришлось приносить бутербродики, потому что была ещё и вечерняя сессия. А потом, естественно, если одних кормишь, то других надо покормить. Так я и стала «кормящей матерью» конференции. Это было в 1980-е годы, когда можно было, постояв раза 4 в очереди в магазине «Сыры» на Горького, достать хорошую порцию – килограмм с чем-то сыра. Часть можно было подарить Льву Петровичу домой, себе немного оставить и принести на конференцию. В общем, можно было жить.

Поэтому в 1990-х годах, когда я пошла искать деньги на конференцию, я планировала не только на издание, но и на бутерброды тоже. Часто я покупаю кусок мяса, режу его, в термосах принося бульон, потому что у нас есть ряд людей, которые без первого не могут.

Искать деньги было в то время и легко, и сложно. Для меня, естественно, сложно – это была вовсе не знакомая мне деятельность (фандрайзингу меня пытались учить уже потом, во время моей общественной и недолгой партийной жизни, а тогда я ничего не знала). Ведь надо было искать деньги на малотиражное издание узких исследований, преимущественно по истории древнего и средневекового Китая. Но безнадежная ситуация с конференцией

---

⁴⁸ *Дорофеева-Лихтман Вера Витальевна*. Китаевед, к.и.н. (1992). Окончила ИСАА при МГУ (1982). Живёт и работает во Франции

придавала смелости.

А легко было потому, что развелось очень много частных и кооперативных предприятий. Я смотрела по сторонам и обзванивала всех, у кого на рекламных баннерах были телефоны. Иногда находились люди, которым казалось, что эта помощь может придать вес их фирмочке. Да и деньги были маленькие. Тем паче, что я старалась уходить от государственных издательств, где цены были выше. Иногда спонсорами были люди, восхищающиеся Востоком.

Был один забавный случай. Кто-то из коллег подсказал обратиться к совладелице совместного российско-китайского бизнеса. Китайка пришла к нам познакомиться и посмотреть, что за издание ей предлагают проспонсировать. Когда Алёша Бокшанин начал ей переводить оглавление томика предыдущего года, она довольно быстро сказала, что ей всё ясно, и не помочь российским учёным, занимающимся глубокой историей её родины за те гроши, которые они получают, просто её святой долг. Я ей, провожая, говорю, что ещё бы денежку на дорогу 2-3 иногородним участникам, да и на бутерброды в перерыв. Она мне взволнованно ответила, что не она одна распоряжается деньгами, но сделает всё возможное, и сделала!

Некоторые коллеги неоднозначно реагировали на эту мою деятельность. Помню, кто-то удивился, пощупав мою сумку, что она у меня не кожаная. Видно, предполагалось, как говорят китайцы, «у воды быть, да не напиться»!

МК: Политические события 1970-х годов, которые происходили в КНР, сказывались на жизнедеятельности отдела Китая?

ЭС: На китаеведении больше сказывалась ситуация в стране. У нас были «подписанты»: Завадская, Рубин.

МК: А «подписанты» – что это имеется в виду под этим словом?

ЭС: Это когда в СССР начались аресты диссидентов, заводились дела по обвинению в антисоветской деятельности, когда людей сажали за чтение «антисоветской» литературы, а интеллигенция собиралась, подписывала письмо с протестами. Посылали эти письма в газеты, в ЦК. Всех подписантов

потом прорабатывали. Многих из них, на кого нельзя было завести дело, потому что он ни в чём, кроме как в подписи в защиту, не был замечен, рекомендовалось обработать по месту работы. Это должно было быть решение местного парткомитета, должны быть выговоры, увольнения. Но Лев Петрович эти гонения прикрывал, как-то спускал на тормозах.. Из-за своего «подписантства» Завадская долго не могла защитить кандидатскую (не допускали к защите), не могла поехать в Китай. В Китай она впервые поехала уже очень поздно, наверно, в конце 1980х.

Что касается Рубина, тут другая история. Человек, который собрался уезжать в Израиль, должен был заранее написать заявление об уходе с работы. Потому что, если он уезжал с работы, то его руководству грозили свои выговоры по партийной линии за недосмотр, за непроведение идеологической работы с сотрудниками. Вот, Наташа Занегина, собравшись уехать, пришла ко Льву Петровичу и сказала: «Я пишу заявление об уходе, пожалуйста, освободите меня. Я подала заявление на выезд». И хотя Лев Петрович её страшно уговаривал: «Останься, Наташа, я как-нибудь переживу», она ушла. И, уйдя, она осталась безработной. Она – кандидат наук, владевшая английским и китайским языками, устанавливала утеплённые двери в компании с такими же «отказниками». Потом, благодаря содействию, она была «белым негром» в ИНИОНе, переводила, реферировала (без права собственной подписи). Её очень долго не выпускали в Израиль, поскольку ходила версия, что, когда её отец Борис Николаевич Занегин поехал в командировку в Америку, то в ТАССовских закрытых материалах, которые поступали в первый отдел, прошла информация из американских СМИ, что «полковник КГБ едет с ознакомительной поездкой по Америке». Он был сотрудником КГБ. В штате, не в штате – не знаю. И поэтому, конечно, дочь не выпускали очень долго. Она уехала почти в 1990-м году, а подала на выезд в 1986-м.

Рубин тоже ушёл, хотя Лев Петрович его тоже отговаривал, отговаривал и не уезжать вовсе. Немало уехало уже. Тут был отдел литературы, такие

красавцы ходили, асы литературоведения!

(Недавно я прочла в книге 1988 года издания некую литературоведческую характеристику одного из наших очень популярных литературоведов. Не вырвало меня только потому, что для меня представляли интерес следующие странички книги – такой кондовый язык. Надо было соответствовать марксизму-ленинизму, и это был кошмар).

Когда у нас была редактором Свистунова, она вычеркнула практически всех сотрудников ИДВ, сказав, что такой мусор мы у нас печатать не будем. Форма была интеллигентнее, но смысл был такой. Имелись в виду те, кто писал о гоминьдановском периоде, вся новая и новейшая история. Для Свистуновой сама тема не является научной и, кроме этого, она считала, что это всё на плохом уровне, и она жестоко всё это вывела.

В 1990-х совпал период её редактуры и моего спонсорства. В 1990-1991х годах ещё был Сашка Хохлов. Но, кроме того, что он пропускал сотрудниц ИДВ, а также претензий, что он нежестко редактирует, с апреля он приставал ко мне: «У нас деньги будут?» В 1988-м или в 1989-м году нам было сказано, что это последние деньги на издание конференции, больше у института нет денег. И Сашка говорил: «А зачем мы будем работать, если денег нет?» Я говорю: «А если будут деньги, что ты предъявишь?». Он два года меня мучил вопросами про деньги, и в результате эти две линии сплелись – плохая составительская, редакторская работа и отсутствие денег, и мы начали пахать вместе со Свистуновой. Это было связано с некоторым количеством «ляпов». Например, один макет мне делали у Максимова, и я этот макет сразу отправила в издательство без соответствующей вычитки, поскольку я не знала, что макет требует потом корректировки. Жизнь была интересная; в чём – не знаю. Трава тогда была зеленее.

МК: А как менялся состав отдела? Когда Вы пришли, была элитная группа и был «плебс». До какого времени это сохранялось?

ЭС: Это вечно! Кроме этого, это говорит о том, что мы являлись слепком советского общества. Есть градация научная, есть время работы. Когда это

соотношение нарушается, кто-то поднимается вверх, кто-то опускается, то, происходит изменение взаимоотношений мелких содружеств или сообществ.

Во-первых, выперли Илюшечкина, или он сам ушёл. Там был принципиальный разговор, что-то о собственности на землю, и если бы Илюшечкин не пошёл доносить, это бы прошло нормально, как и проходят обычно научные споры.

Потом ушёл Непомнин.⁴⁹ Не помню из-за чего, но тоже личные конфликты. Не совсем личные, они по научным проблемам зарождались, но, всё равно, личностное неприятие на это накладывалось. Потом ушёл Васильев. Васильев, кстати, всегда умел быть как-то в стороне, в себе. При этом его прекрасно слушали студенты (да и наши тоже некоторые, хотя многие его не воспринимали, что ли, считая, что не зная китайского, он пользуется только англоязычной литературой. Вот, хотелось бы спросить таковых, а что настоящие учёные, на английском не пишут? Снобизм какой-то, я считаю).

Мы жили более тесно, чаще встречались на работе, поэтому, естественно, некоторые вещи приводили к определенным стычкам. Мой папа говорил – почему аристократы не разводились и жили долго в браке? – потому что у мужа и жены были свои половины дома. У нас этого не было, мы были все в трёх комнатах!

Но благодаря Льву Петровичу у нас было общекультурное мероприятие – мы периодически ходили большими кагалами в театр на Таганке. Это тогда было не только интересно. Даже тем, кому плевать на театр, было престижно сказать потом в любом обществе: «Я смотрела последний спектакль на Таганке – ничего интересного!» Совместные походы туда тоже сближали, потому что это была общая жизнь.

Когда жена писателя Тянь Чжун-чжи вспоминает о школе перевоспитания во время «культурной революции», она описывает, что на сельских работах,

---

⁴⁹ *Непомнин Олег Ефимович* (1935 г.р.) синолог, историк, д.и.н., профессор, ведущий , научный сотрудник ИВ РАН

где все жили вместе, у них вдруг стал образовываться коллектив, которого не было в институте. Там каждый приходил, сидел за своим столом, работал и уходил, а в деревне они были вместе с утра до вечера. Мы тоже с утра до вечера были вместе. Было то, что называется коллектив. Когда каждый видит другого часто – труднее скрыть свою личную жизнь, потому что идут телефонные переговоры, и ты всё время на виду. Но не могу сказать, что паршиво жили.

Но я – плохой свидетель. Живя почти 40 лет в этом институте, я знаю многие лица, я знаю многие фамилии, но не могу их совместить. Я помню кого-то потому, что я вела большую работу в рамках «Демократической России»: подготовка к выборам, участие в избирательной комиссии, митинги. Это небольшая часть, человек 15 от силы, с которыми были простые человеческие отношения. А многих я не знаю и теперь. Вот, я умею так жить.

МК: Смена директоров института влияла на Вашу жизнь?

ЭС: Я смеялась, что когда был Гафуров,⁵⁰ было много лиц азиатской национальности: аспиранты, кто приезжал устраиваться на работу и др. Это очень чувствовалось, так как все они ходили в институте по коридорам.

Когда появился Примаков, стало казаться, что много молодых крепких невысоких мальчиков, аккуратно причёсанных, у которых одно бедро было немножко выше, чем другое. Мне все хотелось подойти и спросить: «У Вас там револьвер?». Мальчики абсолютно не нашей среды.

При Примакове был сделан ремонт, положена плитка на ступенях нашего института, которая сквозит, вылезает, щербатая. Появились мраморные лестницы, и стены были облицованы армянским туфом, к которым нельзя приложиться одеждой – останется пыль. При Капице, может быть, больше пили в стенах института – он был большой поклонник зелья и дам.

МК: Начались общие посиделки, или это было приватно?

---

⁵⁰ *Гафуров Бободжан Гафурович* (1908-1977). Видный деятель КПСС, востоковед. Академик АН СССР (1968). Сотрудник (1936-1946), 1-й секретарь (1946-1956) ЦК КП Таджикистана. Директор ИВ АН СССР (1956-1977). Лауреат премии им. Дж. Неру (1968). См. Гафуров Б.Г.: История таджикского народа в кратком изложении. Т.1. М., 1955

ЭС: При Примакове начались «ситанализы» (ситуационные анализы), и стали в отделах иногда выяснять, с кем спит та женщина, которая была старшим научным сотрудником, а ей дали главного и повысили ставку. На самом деле, она просто согласилась работать на этих «ситанализах».

МК: Коллектив был преимущественно мужской или женский?

ЭС: Преимущественно женский. Это сейчас мужчины преобладают. Серова⁵¹ ушла в письменные памятники, поскольку её любовь к театру и некоторые работы не признавались. Она ушла в театроведение или в изучение Серебряного века безотносительно Китая.

Я не знаю состав отдела накануне создания ИДВ, но мне кажется, что туда перешли преимущественно мужчины. То есть, до этого отдел был мужским. Туда ушли Сорокин,⁵² Переломов,⁵³ Саша Григорьев.⁵⁴ Когда я пришла в ИДВ на второй или третий год его существования, там было 45 человек, и это был мужской институт – те, кого сманили из отдела Китая всякими доплатами за знание языка и прочим.

Вскоре после перехода в отдел я начала переводить «дацзыбао» под руководством Ду И-сина. Я сделала выборку, возможно, нерепрезентативную, но представление можно было составить. Потом я долго сидела с карточками, раскладывала их как пасьянс. Потом я написала статейку в наш бюллетень, затем ещё одну.

Ближе к 1990-м годам, когда к нам пришёл Гарушянц,⁵⁵ случился запомнившийся мне случай. Я написала в наши материалы конференции статейку об отсутствии правового сознания среди служащих и рабочих

---

⁵¹ Серова Светлана Андреевна (1933, м.р.Москва). Китаевед, д.и.н. (1990). Окончила МГИМО МИД СССР (1957). Научный сотрудник института китаеведения (1957-1961), ИВ РАН (с 1961). Специалист по истории и культуре Китая, китайскому театру

⁵² Сорокин Владислав Фёдорович, род. 1927 г. Окончил МИФ. Д. филологических н. (1979). Исследование и перевод классической и современной кит. литературы. Работал в Институте китаеведения, ИВ АН, с 1967 – в ИДВ

⁵³ Переломов Леонард Сергеевич (1928 г.р.). Китаевед, историк, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН

⁵⁴ Григорьев Александр Миронович (1933 г.р.). Китаевед, историк, д.и.н., профессор, заведующий сектором истории Китая института Дальнего Востока РАН

⁵⁵ Гарушянц Юрий Мисакович (1930–2012). Китаевед, к.и.н., научный сотрудник ИВ АН

Шицзиншаньского завода.⁵⁶ Саша Хохлов сказал: «Так нельзя, ты оскорбляешь китайцев». Тут Гарушянц, который сидел рядом, говорит: «Эль, разреши мне почитать статью». А, надо сказать, что была версия (хотя Лев Петрович ее отрицал), что Гарушянц, когда его брали обратно в отдел Китая (он был в отделе Китая ранее, потом ушёл в редакцию или ещё куда-то), был должен принести чуть ли не клятву, что он не будет читать ни одно произведение, которое обсуждается в нашем отделе. Потому, что все знали, что он очень резкий критик. Поэтому в этой ситуации у меня возникли очень смешанные чувства. С одной стороны, мне хотелось узнать его мнение, с другой стороны – было боязно. Но я сказала: «А почему нет? Саша, дай Юре статью!» Гарушянц берёт статью, читает её, затем поворачивается ко мне, крайне одухотворенный и красивый,⁵⁷ возвращает мне статью, и говорит: «Тебе бы хорошего редактора, цены не было бы статье». А на фразу «китайцы обидятся» Юра ещё до этого сказал: «А почему? Это и про нас можно сказать. Мы тоже правового сознания не имеем. Это – ничего страшного, не оскорбительно». Внутри меня было ликование!

В результате худо-бедно, я закончила смотреть эти сборники, выкопала из них всё.

Тут начался 1990-й год, и моя общественная работа, куда я вляпалась, как в китаеведение. Я ходила на демократические митинги, но вскоре пришла ко Льву Петровичу, и сказала: «Лев Петрович, работа сделана; можно её защитить как кандидатскую?» Это были 1990-е годы, когда многие забыли, что такое кандидатские, и что такое научная работа. Мы получали зарплату 5 тысяч, но я не могу соотнести её по стоимости. В общем, эта жизнь была прекрасная абсолютно.

У меня дома стоит тяжёлый чугунный утюг. История, связанная с ним,

---

⁵⁶ Шицзиншаньский завод находился в 20 км к Западу от Пекина

⁵⁷ Если вы его помните или знаете, он принадлежит к людям, у которых лицо имеет очень разное выражение. Есть люди, которые хорошеют, когда они счастливы, а есть люди, которые хорошеют, когда в них проявляется доброта, и человек становится красивее. Хотя, возможно, это восприятие того, к кому направлена его доброта, потому что мы тоже воспринимаем человека в зависимости от собственного настроения

такая: в 1990-м или в 1989-м году шёл разговор, что ничего не будет – ни электричества, ни газа, ни хлеба или соли. Многие торговали чем придётся, чтобы пережить. Тогда я и увидела этот старый чугунный утюг, который продавала бабка у метро, и купила. Но, когда я его приволокла и поставила, я подумала, что надо было другой утюг покупать, куда можно угольки класть. Этот-то на газ надо ставить, а если газа не будет? Он у меня стоит теперь в прихожей, на всякий случай. Если успею, кому-нибудь дам по морде, при попытке ограбить.

Так что в 1990-е почти никто не защищался. Я сама бегала, всюду надо было платить – за машинистку, за автореферат, за всё. Деньги были маленькие, но с любовью принимались. Один оппонент, известный у нас китаист-экономист Коновалов из ИДВ, был немножко ошарашен. Он и писал, и сказал на защите: «Работа написана разговорным языком. Но, кажется, теперь это принято».

Я решила защититься исключительно, чтобы экономисты типа Гельбраса⁵⁸ не говорили, что это «неудавшиеся младшие научные сотрудники» ходят на демонстрации. Это было в 1993-м, до истории со штурмом парламента. Первый раз в жизни мне пришлось тогда завести ежедневник, потому что, во-первых, мы делали первую демократическую избирательную комиссию в нашем Институте, и я попала во главу этой комиссии, надо было обустроить избирательный участок (что было в то время вовсе не простое дело. Некоторые вспомнили, что общественная работа де дело добровольное, посему «хочу помогаю, а не хочу – извините») Во-вторых, мне надо было бегать по вопросам защиты и застолья тоже (а, стало быть, надо было «добывать» продукты и развозить тем, кто будет готовить). Я поняла, что если не заведу ежедневник, то буду допускать потрясающие провалы.

В результате, на защите был великолепный праздник! Даже мои дальние

---

⁵⁸ *Гельбрас Виля Гдаливич* (1930 г.р.). Китаевед, востоковед, д.и.н., профессор Института стран Азии и Африки при МГУ имени Ломоносова

подруги готовили застолье, потому, что давно не было праздника. На защиту пришел мой самый умный соученик по университету и сказал: «Элка! Я много видел уже защит, но такой красивой защиты я не видел!» Яша Бергер выступал оппонентом, потому что он работал в ИНИОНе или даже в Соросовском центре. А второй оппонент, Коновалов, был из ИДВ. Яша мне приписал такие красивые слова и умные мысли, что я не знала, к какому месту моей диссертации прикрепить это. В общем, это был праздник, в результате которого я получила звание кандидата исторических наук, чтобы абсолютно забыть, что есть понятие «хронология». У меня всю жизнь: что не сегодня, то – сзади на одной плоскости. Я только по чеховской «семейной» хронологии могу вспомнить, что когда происходило.

До этого ещё Чудодеев ко мне приставал: чего ты не защитишься? Я говорила, что есть выражение: каждый солдат несет маршальский жезл в рюкзаке,⁵⁹ а я не несу жезла. Я по духу своему – адъютант. Не денщик, хотя часто получается, что выполняешь эту роль, но адъютант. Я не боюсь работы, хотя лентяй. Обломов – это про меня. Но я никогда не могла найти в себе то, что могло бы стать товаром (поэтому предсказывала, что когда стану кандидатом, надбавки за степень непременно снимут. Пока, правда, не сняли!).

МК: Расскажите, пожалуйста, о кардинальных изменениях, которые происходили в 1990-е, 2000-е годы? Что, по Вашему мнению, имело наиболее драматичное значение для научной жизни?

ЭС: Во-первых, я считаю, что в 1990-е годы возник большой плюс: изголодавшие научные сотрудники пошли поправлять материальное положение преподаванием в высшей школе. На мой взгляд, это было очень продуктивно: они активно выносили свои устоявшиеся, сформировавшиеся представления на суд молодёжи, которые слышали и иные точки зрения. Притом студенты так невинно и хорошо эти вопросы задавали: скажем,

---

⁵⁹ «Каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл. Но беда, если его там найдет ефрейтор» Габриэль Лауб (р. 1928 г.) – афорист, журналист

Алексей Анатольевич даже как-то жаловался: «А мне студенты говорят: а Васильев нам другое рассказывал!» То есть, им приходилось переосмысливать то, что они говорят и думают, в соответствии с голосами молодых. Во-вторых, прекратились командировки, к нам приезжало мало людей из других городов России. Я пошла искать деньги на сборник конференции ОГК, поскольку мне было жалко Льва Петровича – гибло его дело! То, что мы смогли бесперерывно выпускать сборники, это помогло ему продержаться. Боюсь, что если пару лет мы бы не выпускали сборники, конференция пошла бы хуже, ведь приходящие на конференцию имеют целью не столько выступить, сколько взять свой экземпляр. То, что в нашем очаге жизнь продолжалась, и даже иногда могли помочь приехать людям из других городов (единицам, конечно), – всё это имело жизнеутверждающее значение. Я считаю, что в этом смысле конференция тоже помогла.

МК: Расскажите, пожалуйста, о взаимодействии института и его бывшего филиала в Ленинграде – ныне это Институт Восточных рукописей.⁶⁰ Какие были отношения с питерцами?

ЭС: Я умею многого не видеть. Не потому, что не хочу не видеть, а потому что не вижу. Раньше почти весь отдел нашего филиала и почти вся кафедра истории Китая Востфака СПбГУ приезжали к нам на конференцию. Был кто-то, кто по научно-личностным противоречиям не приезжал, но я большинство из них знаю именно по нашим конференциям. Кстати, Кычанов⁶¹ редко приезжал, но это может быть из-за того, что его отрасль немножко в сторону.

В 1990-е годы все стали поменьше приезжать, но всё-таки первые несколько лет я могла нескольким из приезжающих оплатить дорогу. Но это были с Востфака. Сейчас, скорее всего, это изменится, подрастёт новая поросль. А в 1990х .... С проживанием все как-то сами устраивались (как и

---

⁶⁰ *Институт Восточных рукописей* (ИВР РАН). С 1956 – *ЛО ИВАН*. В 2007 переименован в ИВР РАН. Официальный сайт: <http://www.orientalstudies.ru>

⁶¹ *Кычанов Евгений Иванович* (1932-2013) тангутовед, синолог, историк, д.и.н, профессор, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге

сейчас, кстати), либо я невестке или подруге платила по 50 рублей за сутки из спонсорских денег. Нынче почти перестал приезжать Дальний Восток, Новосибирск (хотя разок удалось и кому-то из них в те годы дорогу оплатить), всё сократилось. Сейчас, кстати, специалисты Зауралья приезжают в Питер на конференции Восточного факультета СПбГУ, устраиваемые раз в два года. Приезжают, поскольку они, в основном, кончали Востфак. Да и те, кто работает в вузах, могут теперь воспользоваться спонсорством Института Конфуция. Когда я дарила кому-то указатель статей конференций ОГК, они листали, смотрели свои первые работы, и говорили, что было очень приятно вспомнить (молодость, верно!).

МК: А про 2000-е годы что Вы можете сказать? Какие изменения произошли, что-то новое появилось?

ЭС: Говорят, что загнивать отдел стал ещё при Льве Петровиче, поскольку его любимое выражение: «Больше, чем человек может дать, получить невозможно». Всетерпимость, нежелание следовать полицейским мерам расхолаживали людей, и дисциплину мы постепенно теряли. Тем более после того, как кто-то стал подрабатывать в 1990-х и 2000-х годах. Лев Петрович в 1990-х годах ушёл. Вернее, его ушли. Формально ему исполнилось 70 лет, а начальство всегда не любило его. Может быть, из-за его неспособности требовать. А, может быть, пал с него ореол. Ведь Льва Петровича многие любили, поскольку он работал в ЦК КПСС, и предполагалось, что у него по-прежнему существует связь с ЦК, люди же любят красиво спустившихся с небес.

Когда ликвидировали Компартию и ЦК, мне было заметно изменение отношения к Китаю, ко Льву Петровичу и к театру на Таганке: одновременно это всё ушло в прошлое. И мы катились не туда, что особенно чётко видел Кобзев. Пропеллера в одном месте ни у кого не было. Но что странно, в последнее время снизился уровень конференции, из иногородних стали приезжать почти только одни студенты и аспиранты. Я посмотрела список присутствующих на последней конференции. Возможно, там докторов и

кандидатов не осталось, не знаю. Но у кого-то не пропустили публикацию в сборник, а кому-то дали право выступить на конференции из чисто благотворительных целей, чтобы человек приехал, побыл в Москве, в библиотеках, послушал, что говорят на конференции, на которую он так добивался приехать. Но всегда существует некий спад. Может быть, бывшая интеллектуальная часть ушла или уходит, или перестала работать, а новая поросль ещё не достигла того уровня. И надо сказать о том, что нынешняя регламентация, когда ставят условием написать монографию в 3 года, она тоже не идет на пользу науке. Научная работа, по-моему, должна отстаиваться и настаиваться, как коньяк.

МК: Какую научную тему вы считаете для себя главной?

ЭС: Социальную историю. Что рабочий класс, что феминизм, что теперь пытаюсь по рассказам и романчикам сказать о том, что думает, чем живет молодёжь разных поколений, естественно, преимущественно городская и образованная, которая в большей степени имеет выразителей своих взглядов.

МК: Какую научную тему Вы исследуете в настоящий момент?

ЭС: Эту самую. Новое поколение, даже если оно было в 1920-х годах.

МК: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом?

ЭС: Моего взгляда практически нет. Я читала интервью Льва Петровича и воспоминания Якова Михайловича Бергера. Я была при каждом из них секретарем, когда были разломы и разрывы. В науке могут быть правильные и неправильные взгляды, но политическая ангажированность, которая была и есть, и которая даже сейчас иногда разрывает специалистов – она очень вредит.

МК: Ваш взгляд на современное состояние российского китаеведения?

ЭС: Появился оптимизм. Появились молодые сотрудники. Вы ведь знаете, что отдел 25 лет жил без единого нового сотрудника. Китаеведы готовились, но они благополучно расходились: маленький процент в ИДВ, а основная часть в МГИМО, посольства, ГБ и прочее. В середине 1970х и к нам в отдел пришло трое молодых, жизнь резко поменялась.

Вспоминается мне один случай. Как-то готовим материал к конференции. Я пришла ко Льву Петровичу, говорю: «Лев Петрович, а почему в статьях всё время идет: «я считаю», «мне видится», вопреки привычным выражениям «считается», «принято», «предполагают»?» Он говорит: «Ну, что Вы хотите? Пришло новое поколение, которое знает себе цену и уверено в себе». Я недавно напомнила об этом Кобзеву, а он сказал: «Не было такого! Я никогда так не писал».

Пришло другое поколение, пришла нумерология. Начались семинары под водительством товарища Кобзева. На одном из них товарищ Карапетьянц⁶² рассказывал нам про то, что один из канонических текстов, если посмотреть на него внимательно, окажется учебником по плотницкому делу. Вероятно, он был утерян, и, когда к нему вернулись, его поняли так, как поняли. Это же письменный памятник, что и вызвало настолько трепетное отношение, что его сделали чем-то типа Библии. Карапетьянц очень хорошо к этому подводил, показывал примеры.

МК: Речь шла о Каогунцзи, части трактата Чжоули, который входит в состав Тринадцатикнижия?

ЭС: Не помню. Но Карапетьянц очень доказательно это говорил, и демонстрировал историю превращения. Очень верилось.

К чему это приводит? Самый простой пример – фраза «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Выражение, которое употребляют все, но которое переведено с ошибкой. Здесь получается то же самое. А потом Борис Григорьевич Доронин⁶³ рассказал, как переписывались хроники, и влюблённый одно время в нумерологию Кроль объяснил, что в некоторые периоды историю подгоняли под нумерологию: должно было быть 8 императоров (абсолютно вольный пересказ в моей

---

⁶² *Карапетьянц Артемий Михайлович* (1943 г.р.). Китаевед, д.филол.н., профессор Института стран Азии и Африки при МГУ имени Ломоносова

⁶³ *Доронин Борис Григорьевич* (1928). Китаевед, историк, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель Восточного факультета СПбГУ (с 1968). Специалист по истории династий Мин (1368-1644) и Цин (1644-1912)

интерпретации), а было всего 7. Поэтому, чтобы соблюсти вот это всё (сиречь, нумерологию), на страницах летописи оживили какого-то принца и всунули в хронику на месяц правления. Русскую историю тоже хорошо переписывают. Поэтому, когда я смотрю абсолютно серьёзные, дорого обходящиеся для зрения и нервов переводы какого-нибудь исторического трактата, что русского, что китайского, я понимаю, сколько там домыслов.

МК: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

ЭС: В связи с тем, что я глухонемой в плане иностранных языков – фэйсбук отказывается принять мою трактовку знания иностранных языков: я пишу «русский со словарем», а он убирает.

Я знаю только немцев, с кем я сталкивалась. Они в одиночку не работают: у них всегда создается группа, например, изучения рабочего класса Китая. Там сидят люди, которые переводят, которые знают хорошо немецкий рабочий класс, социологи и так далее. Обязательно – парочка носителей языка. Последние могут не быть историками или иными специалистами, они могут быть аспирантами, приехавшими изучать в Германию немецкий язык, но они помогают. Так что, когда я, занимаясь феминизмом, читала некоторые китайские термины, и они мне «не нравились», я понимала, что немцы при этом дают наиболее близкий перевод китайского слова, поскольку немцы десять раз пообщались с носителями китайского языка, с теми, кто занимается феминизмом на китайском языке, и поработали со своими специалистами в этом вопросе. Вот это помогает снять крайности. Кстати, я люблю читать рукописи, потому что в книге, которая будет издана, многое будет сглажено, острые углы будут обойдены, и, может быть, как раз самое ценное куда-то денется. А когда немцы работают коллективно, они как танки, прокладывают колею. То же самое с феминизмом: у них была группа, в которой были представители разных профессий и плюс носители языка. Немцы, они и есть немцы. Это я знаю и думаю, что они во многих вещах так поступают – в любых отраслях знаний. Можно назвать это мозговым штурмом, и это очень продуктивно.

МК: Ваши воспоминания о встречах с китайскими учёными, видными деятелями Китая?

ЭС: Я помню как приехала делегация с Тайваня времён Гоминьдана, и как потом приехала делегация установившейся новой власти в 2000-е годы.

Это мне напомнило о том, что раньше наши специалисты не особенно могли принимать на дому иностранных коллег. Но как-то у Татьяны Коровкиной сидели три китайца, её бывшие сокурсники по Бэйда. Там были ещё наши люди из писательского круга, и мы спокойно обсуждали многое (уже у нас начиналась демократия), под блины и водочку. Я смотрела на этих китайцев и с ужасом думала, что они, как советские граждане, должны будут по приезду писать отчет: где были, с кем разговаривали, что слышали. И думать – а другие написали аналогичные отчеты или ещё что-то? Очень больно смотреть на людей, которые живут в жёстких идеологических рамках, когда ты сам их постепенно теряешь.

И при визитах тайваньских делегаций после первых демократических выборов было заметно по тому, как они себя вели, как они разговаривали, что нечто смягчалось при новом правлении, хотя и при сохранении уважения к старшим не только по возрасту, но и по рангу.

МК: Восприятие Вами образа Китая и китайского народа в настоящий момент?

ЭС: Во-первых, это сформулировать нельзя, поскольку, что такое Китай? Это горы, озера и реки? Или это их конституция? Или как далеко отходят законы от их реализации? Есть большая региональная разница между тем, как живут в Шанхае рабочие и интеллигенция, и как живут в Пекине рабочие, и как живёт в Пекине интеллигенция, как живут люди в деревне или как живут во Внутренней Монголии монголы. Последние почти как несколько веков тому назад, так и сейчас живут. Или жили, потому что сейчас Внутренней Монголии, считайте, почти и нет, там 70% китайцев живет.

Мне жаль китайцев, как людей, живущих в государстве с единым партийным руководством. С моей современной точки зрения, мне себя тоже

жаль. Конечно, теперь у них есть телевизоры, машины и прочее, живут как-то...

МК: Вы стараетесь видеть общечеловеческое и очень особенные региональные различия. На Ваш взгляд, в чём специфика китайской цивилизации как важного цивилизационного очага, если Вы её видите? Если Вы её не видите, то тоже обоснуйте.

ЭС: Наверное, специалист может найти во мне ответы идеи третьего Рима, и, может быть, он даже будет прав. Конечно, я отличаюсь, скажем, от китайца, от европейца, американца, не говоря уже о мексиканце. Но недавно на конференции в Белоруссии я говорила о том, что, на мой взгляд, третье поколение шанхайцев, рождённых в 1980-х годах, ничем не отличается от людей такого же возраста и воспитания в Нью-Йорке. Это видно и на улицах Шанхая, и, думаю, не только там. И преподаватели Белорусского университета согласно кивали (они по линии Института Конфуция бывают в Китае). И автор «Крошки из Шанхая»⁶⁴ неплохо акклиматизировалась в Америке, проявив некоторые пороки во взаимоотношениях с людьми, свойственное ранее несвободным людям. Да, более последовательное поведение в рамках феминизма её возмущало: она, конечно, в чём-то – «за» феминизм, но не согласна платить за себя в ресторане (так это не только китаянку отличает!).

МК: Что разделяет и что сближает Китай и Россию?

ЭС: Сближают и разъединяют смешанные браки. На геополитические задачи наших государств мне начихать с высокой колокольни. Хотя я понимаю, что это может касаться и меня лично. Сближает и разъединяет разница наших потенциалов, людских и территориальных. Разъединяют те, кто верил и верит, что два государства обязательно должны быть либо в дружбе «Москва-Пекин», либо быть врагами. Мы не умеем сосуществовать вообще, и поэтому государствами тоже. Посему находится под большим вопросом, колонизируют ли китайцы Западную Сибирь или нет, и пойдет ли

---

⁶⁴ Роман писательницы Вэй Хуэй

это на пользу пустым русским землям или во вред? Всё как у всех. Как живут Франция с Германией всю жизнь? А живут ведь!

МК: Каковы Ваши самые большие достижения и самые большие разочарования, связанные с китаеведением?

ЭС: Мои разочарования не связаны с какой-то одной из областей советско-российской науки. Когда в Советском Союзе образовывался Союз советских учёных, его планировали как профессиональный союз. Я спросила Якова Михайловича Бергера, можно ли мне туда прийти, и он сказал:

- Вы же работаете в Академии Наук.
- Ну и что, я научный сотрудник, но я не учёный.
- Бросьте!

И я пошла и поприступствовала на заседании, после которого спросила: «Почему у вас одни физики, химики, геофизики, математики? Где гуманитарии?» Ответ был такой: «Этим проституткам не надо самоорганизовываться, их как организуют, так они туда и пойдут».

Существует устойчивое мнение, что гуманитарная наука в России сильно зависит от руководящей роли партии, причем без разницы, какая партия. Поэтому очаровываться и разочаровываться можно только в отдельных представителях этой науки.

МК: Принимали ли Вы участие в переводах китайских письменных памятников и каких?

ЭС: Нет. Единственная крупная работа, которую мы переводили коллективно, была: «Who is who в китайской армии». На памятники у меня не хватит ни ума, ни языка.

– Какие из опубликованных в последние годы трудов китаеведов кажутся Вам наиболее важными и достойными внимания?

ЭС: Последнее произведение, которое меня, я бы даже сказала, взволновало – книга японоведа Александра Мещерякова «Стать японцем». Это история Японии периода реформ Мэйдзи, но не с привычной точки зрения, а с точки зрения именно человека, попадающего в жернова перемен,

со всеми взлётами энтузиазма, воодушевления и всеми последующими неудачами, чувствами неполноценности, а, стало быть, и озлобленности, столь естественными из-за несовпадения надежд и их осуществления. С другой стороны, литература Китая развивается сейчас не так, как в прошлом, в дореформенный период. Мне было интересно читать переводы на русский язык современных китайских рассказчиков, повестей и романчиков, которые выходят, в том числе, в Питере.

Был сборник рассказов китайских писателей 1970-х годов, где каждый рассказик был интересен. Говорилось о людях Китая этих годов, и это всё противоречило законам, по которым, казалось бы, должны жить китайцы. Прекрасен роман «Бальзак и портниха-китаяночка»,⁶⁵ который рассказывает об определённом слое людей при столкновении их с иным слоем своего же народа и государства.

Любопытен роман «Волчий тотем»,⁶⁶ который, при всей нудности произведения, очень неплохо показывает жизнь во Внутренней Монголии. Кроме того, он рассказывает о способности некоторых людей, а они редко бывают среди любых наций, воспринимать другую цивилизацию с пониманием и относиться не только заинтересованно, но и находить отражение своих дум, как в зеркале.

Интересны «Три лебедя»,⁶⁷ и абсолютно скучные мемуары дочки Дэн Сяо-пина. Дети партийных деятелей даже о своем детстве говорят, как партийные деятели – не эмоционально, сухо, не лично.

Вот сборник «43 страница», составленный в Питере не так давно из переводов новейшей китайской литературы, вместил все разнообразие жанров литературы – от фантастики до мистики. Кое-что мне абсолютно неинтересно, но видно, насколько люди живут в русле всего мира – та же тематика, те же душевные волнения, и так далее.

МК: Как Вы видите будущее Китая и китайцев?

---

⁶⁵ Роман Дай Сы-цзе «Бальзак и портниха-китаяночка»

⁶⁶ Роман Чжан Жун «Волчий тотем»

⁶⁷ Роман Чжан Жун «Дикие лебеди, или Три дочери Китая»

ЭС: Про государство я говорить не могу и не хочу. Как я хотела бы, чтобы в России существовали русское княжество, вологодское. Конечно, не в виде княжеств, а республик. Так мне хотелось бы, чтоб синьцзянцы и тибетцы перестали бороться, чтобы не надо было запихивать китайцев туда и сюда.

Государства меня не интересуют, поэтому на Китай и на его будущее я смотреть не хочу. Как будет, так и будет. Что касается китайцев, тут так же, как у нас, – чего заслуживаем, то и имеем.

МК: Как Вы относитесь к китайской кухне?

ЭС: Великолепно! Я люблю поесть, поэтому мне все кухни хороши, и китайская тоже. В китайской кухне есть нечто, что выделяет её из европейских кухонь: разнообразие, которое предлагают вам сразу. 25 перемен, которые бывают за обычной вечеринкой. Такое было в Европе, наверно, только при королях. Так что разнообразие потрясает. Правда, я плохо знаю арабскую, индонезийскую, индийскую кухню. Но я могу сказать, что знаю китайскую кухню, неадаптированную под европейцев. Потому что я наелась её за два года! Это хорошая кухня. Может быть, надо сделать поправку, что ресторанная кухня отличается от того, что делают в маленьком доме (я едала и довольно «богатую» домашнюю еду, приготовленную руками Тань Ао-шуан на посиделках в доме у Крымова, и более простую, но тоже вкусную, которую готовила другая моя приятельница, бывшая жена китайца).

МК: Ваши мысли и пожелания по поводу будущего российского китаеведения?

ЭС: Расскажу вам историю. Однажды на конференцию поступило две работы студентов 4-го курса ИСАА с визой Юрьева. Александр Николаевич Хохлов сказал: «Что мы, теперь будем принимать и статьи студентов?» Я сказала: «Саша, чем ты можешь заманить человека в науку? А когда он возьмет печатный продукт, напечатанный возможно не лучшим способом и склеенный как-нибудь, и увидит там среди авторов свою статью, это до сих пор действует почище, чем наркотик. Тем более, у нас есть виза Юрьева. То есть он гарантирует, что это продукт качественный». И мы их опубликовали,

и они остались оба в науке: и Карнеев,⁶⁸ и Козырев.⁶⁹ Козырев уехал, правда, по семейным обстоятельствам за границу, но он работает в вузе; Карнеев живёт в Москве, преподаёт в ИСАА и пишет.

В 1990-х годах я радовалась, что наши сотрудники были вынуждены идти преподавать, когда мы сели на мель. Во-первых, они озвучивали свои наработки и получали ответную реакцию от студентов. Но, главное, что если преподаватель сможет увлечь хотя бы даже одного студента из группы, это уже хорошо! Вот, пример Кучеры: двое его учеников работают у нас! Это Сергей Дмитриев⁷⁰ и Марина Кузнецова-Фетисова.⁷¹ В отдел пришли также выпускники Восточного университета, в том числе Николай Агеев и Светлана Андреева. Мне кажется, что сейчас перспективы появились. Пусть некоторые уехали из России (к вопросу о глобализации), это прекрасно! Вы все видите мир, слышите других, и вас слышат. И это – взаимное обогащение, поскольку наука всемирна, и шарик у нас маленький.

МК: Какие личные качества необходимы для того, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ЭС: Хорошая задница, как говорила мне мадам Костяева.⁷² Естественно, нужна усидчивость, которая, казалось бы, противоречит творчеству. Когда я занималась Шицзиншаньским сборником и когда писала про «феминизм», бывало, имеешь в руках материал и пытаешься слепить из него что-то. И в 4 часа утра, когда у тебя получается, то невольно встаешь из-за стола,

---

⁶⁸ *Карнеев Андрей Ниязович.* Китаевед, к.и.н., заместитель ректора ИСАА при МГУ. Специалист по новейшей истории Китая

⁶⁹ *Козырев Виталий Анатольевич.* Китаевед, к.и.н., доцент ИСАА при МГУ. Специалист по новейшей истории Китая

⁷⁰ *Дмитриев Сергей Викторович* (род. 1979). Китаевед, к.и.н. (2006). Сотрудник ИВ РАН (с 2005). Окончил истфак МГУ (2002), Французский университетский колледж при МГУ (2003), магистратуру университета Париж I Пантеон-Сорбонна (2004). Преподаватель истфака МГУ (2002-2005). Член Societe Asiatique (2007). Исследует историю Китая эпох Хань и Юань, Монгольской империи и народов Восточной Азии

⁷¹ *Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна* (1978 г.р.). Китаевед, историк. научный сотрудник отдела Китая ИВ РАН (с 2005). Ученица С. Р. Кучеры, специалист по истории и археологии древнего Китая (эпоха Шан)

⁷² *Костяева Александра Сергеевна* (1932-2003). Китаевед-историк. К.и.н. (1967). Окончила истфак МГУ (1955). Научный сотрудник Института китаеведения (1957-1961), ИВ АН СССР (с 1961). Автор около 50 работ

разгибаешься и говоришь: «Ай да Пушкин, ай да молодец!». И испытываешь такое счастье! Независимо от того, чем вы занимаетесь, если хотя бы изредка приходит вот это чувство, называйте его озарением, счастьем от того, что получилось, вы вознаграждены! Причём не на Совете, не звёздочками на погоны, а ...

МК: ...тем, что Серафим Саровский называл благодать.

ЭС: Да, благодать точно и есть, потому что, когда идёшь к этому, столько бывает и чёрных мыслей, и недовольства, и желания все бросить. ... Если этого нет, то лучше не надо заниматься, надо уходить, менять профессию. Это я так думаю. Возможно, это – неточная оценка.

МК: Понятно, но это – постановка диагноза. А из пожеланий?

ЭС: Любите жизнь, а все остальное приложится...